

К. Я. Кожурин

par
vus
libellus

МИРОСОЗЕРЦАНИЕ И КУЛЬТУРА РУССКОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА XVII–XX ВВ.

е в р а з и я

К. Я. Кожурин

МИРОСОЗЕРЦАНИЕ
И КУЛЬТУРА
РУССКОГО
СТАРООБРЯДЧЕСТВА
XVII–XX вв.

2-е издание, электронное

Санкт-Петербург

2025

УДК 281.93

ББК 86.29

К58

Кожурин, Кирилл Яковлевич.

К58 Миросозерцание и культура русского старообрядчества XVII–XX вв. / К. Я. Кожурин. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 190 с. — Санкт-Петербург : Евразия, 2025. — (Parvus libellus). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-8071-0734-3

Сейчас старообрядчество представляется чем-то заведомо отсталым, принадлежащим давно ушедшей эпохе. Страшные лесные «гари» — добровольные сожжения десятков и сотен людей; неграмотные старухи, продолжающие непонятно зачем креститься двумя перстами и запирающие свои колодцы на замок; фанатики, отгородившиеся от мира. Но это представление, сложившееся под влиянием официальной пропаганды, далеко от истины. Мало кто знает, что лишь благодаря старообрядцам удалось сохранить такие чудеса отечественной культуры, как древнерусская книжность, иконопись и знаменное пение, многие традиционные народные промыслы; что самыми выдающимися русскими предпринимателями XIX — начала XX века были как раз выходцы из старообрядцев — знаменитые династии Морозовых и Рябушинских, Гучковых и Солдатенковых. Бесценный духовный опыт, который староверы вынесли из своего «ухода», должен стать достоянием всего человечества — возможно, это последний шанс не только для находящейся в глубоком духовном кризисе России, но и для агонизирующего Запада, основательно забывшего о своем христианском происхождении.

УДК 281.93

ББК 86.29

Электронное издание на основе печатного издания: Миросозерцание и культура русского старообрядчества XVII–XX вв. / К. Я. Кожурин. — Санкт-Петербург : Евразия, 2020. — 192 с. — (Parvus libellus). — ISBN 978-5-8071-0487-8. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-8071-0734-3

© Кожурин К. Я., 2020

© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2020

© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2020

Глава 1

Богослужение как основа миросозерцания и культурной деятельности старообрядцев

Немецкий философ Вальтер Шубарт (1897–1942), говоря об особенностях мировоззрения разных народов, как-то заметил: для англичанина весь мир — это завод, для француза — гостиная, для немца — казарма, а для русского — храм. Это высказывание как нельзя более верно подходит к русским старообрядцам. Без преувеличения можно сказать, что основой старообрядческого мировоззрения и деятельности является богослужение. Богослужение было тем основным стержнем, вокруг которого формировалась вся старообрядческая культура с ее отличительными особенностями. Так же некогда жил и древнерусский человек, окруженный атмосферой религиозности.

Понимание своей жизни как служения (а в конечном итоге — Богослужения) вообще было характерно для сознания Средних веков: так жили и чувствовали не только на

Святой Руси, но и в Европе, — пока она продолжала оставаться христианской. И для старообрядцев, ставших преданными хранителями ценностей Святой Руси, это понимание оказалось как нельзя более близким. Отсюда — особенно внимательное отношение к внешним формам богослужения как к необходимой составляющей веры в Живого Бога. «Богослужение — сотворчество Бога и верующего во Христа человека... Только посредством правильного, то есть православного богослужения возможно достижение единства Бога и народа. Богослужение определяет духовную преемственность поколений. Богослужение не заканчивается в церкви. Религиозным мироощущением освящается и быт христианина, в котором также присутствует богослужение. Только через сохраненное православное богослужение, только через правильное прославление Бога возможно не только удержание, но и созидание. Вот почему нужно было держаться за богослужение. Сохраняя богослужение, старообрядцы сохраняли Веру, сохраняли Святую Русь»¹.

В богослужении не может быть ничего случайного и необязательного. Мысль о том, что в церковных таинствах и обрядах можно

выделить «внешнее» (якобы несущественное) и «внутреннее» (составляющее их суть), вообще была чужда святоотеческой традиции и явилась позднейшим плодом схоластических штудий выпускников духовных академий. Это был чисто протестантский подход, который привился в отечественном богословии в результате никоновско-петровской «реформации». Что касается традиционного православного сознания, то для него всегда было характерно понимание *равночестности* вербальных (то есть словесных) и невербальных способов выражения религиозной истины. Еще апостол Павел писал, что Бог явил людям знание о Себе не только в словах Откровения, но и во множестве иных, не словесных материальных форм, «ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1, 20). Отсюда, как справедливо отмечает современный исследователь, далеко не случайно, что «при всем почтении христианства к слову, в космосе христианской культуры значительное место занимает гармония всех символических форм выражения истины, среди которых иконопись, церковная гимнография, композиторское искусство, архитектура»². Со времен Крещения Руси и до

начала никоновских реформ XVII века было широко распространено изречение: «в храме стояще, на небесах стояти мним», которое отражало мечту о достижении такого состояния, когда «человеческие чувства в единстве своего многообразия воспринимают совершенную истину, выраженную в словах, мелодиях, цветах, формах и даже в запахе ладана»³. Здесь можно вспомнить, что и выбор веры при великом князе Владимире Святославиче во многом осуществлялся не на основе изучения и сравнения догматов тех или иных религий, а на основе изучения службы и обряда. Предпочтение отдавалось наибольшей красоте и пышности богослужения.

Вообще для православия в целом всегда было характерно осознание бытия, достигающего высшей степени своего установленного Богом совершенства через благодатное просвещение. При этом богослужение, совершающееся на земле, является зримым выражением этого стремления сотворенного мира к своему Творцу. В богослужении совершается само освящение жизни. «Отсюда литургически-храмовый стиль благочестия, свойственный православной душе с древнейших времен до наших дней. Храм становится тем местом, где человек восстанавливает

свой Божественный образ через приобщение Христу. Возвращение к своему подлинному существу неотделимо от тайны соборности, когда человек начинает осознавать себя членом тела Христова. Напоенность одним Духом творит высшее единство, в котором каждый, не утрачивая своего индивидуального своеобразия, органически входит в состав сложного церковного организма: “Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, — так и Христос” (1 Кор. 12, 12). Переживание соборности преодолевает границы времени и пространства, делая возможным человеку ощутить себя в сущностном единстве с вечными истоками христианства»⁴.

Все эти черты как нельзя лучше были сохранены именно в древлеправославном, то есть в старообрядческом, богослужении. Бережно сохраняются они старообрядцами и в наше время. В чем же особенность именно старообрядческого богослужения?

Если вы зайдете в старообрядческую церковь или моленную во время службы, то по одному только внешнему виду заметите, что все здесь особенное, отличное от других религий — и католической, и протестантской,

Интерьер храма Знамения
на Тверской улице в Санкт-Петербурге.
Фотография 1912 года

и новообрядческой. В первую очередь обращает на себя внимание иконопись. Нигде вы не увидите ни одной литографии или картины в чувственном католическом вкусе, но только созданные по строгим церковным канонам, писанные на досках или меднолитые иконы. Кресты везде только восьмиконечные, как и было издревле на Руси. В каждом старообрядческом храме есть два клироса — правый и левый, на которых стоят во время службы чтецы и певцы. Молящиеся разделены на две части: справа стоят мужчины, а слева — женщины (иногда мужчины — впереди, а женщины — сзади).

Еще бросается в глаза в старообрядческих храмах то, что молятся все вместе, сообща, соборно, в определенных местах службы осеняя себя крестным знамением и кланяясь, а не когда кому вздумается или захочется «в порыве чувств». Непозволительным считается и молиться, стоя на коленях, поскольку обычай этот — католический и проник на Русь лишь после никоновской «реформации». Земные же поклоны делаются в специальный молитвенный коврик — подручник, чтобы пальцы, которыми изображается величайшая святыня христиан — Крест Христов, не касались пола, по которому ступают ногами. На

Е. В. Батова-Хмелинская в моленной одежде.
Псков, начало XX века

службе молящиеся стоят рядами, словно солдаты в строю, прямо, а не переминаясь с ноги на ногу или же отставив одну ногу в сторону. Обоснование этого находим в древнем христианском уставе: «Встани на обычном месте со страхом и трепетом, яко перед грозным судиею, истязующем мысли и словеса, и дела наша, и всякия в себе упраздни до конца житейския помыслы, и яко на небо възиди. Ногами же встани плотно, сомжив оныя от колен до пят и от пят до перстов. Не смотри же на ненаказанных, иже расставляют едину от другой далече, сие бо вражие усилие, который яко бы неким клином раздвигая, расставляет. И видя сему повинующихся, бес, скача между ногами, играет, веселяся о нерадивом стоянии пред образом Божиим». Руки во время молитвы складываются на груди горизонтально, на уровне локтей, одна на другую — правая на левую. Согласно святоотеческому толкованию, такое положение рук во время молитвы подобно сложению крыльев святых Небесных Сил бесплотных, предстоящих страшному Престолу Господню. Во время службы не допускается праздное хождение по храму или же его рассматривание, а тем более — разговоры.

Каждая старообрядческая служба начинается и заканчивается особыми уставными молитвами и поклонами — так называемым *седмипоклонным началом*. Опоздавший в храм к началу богослужения должен положить этот седмипоклонный начал в притворе и лишь после этого может присоединиться к общей соборной молитве.

Все эти особенности, идущие с незапамятных времен дораскольной Руси и Византии, говорят не только о бережном сохранении древних церковных и национальных традиций, но и о ярко выраженном в старообрядческом богослужении соборном начале. При этом внешние особенности призваны служить лишь одной цели — духовному деланию, большей сосредоточенности на внутренней, сердечной молитве, растворению молящихся в едином церковном теле.

К особенностям старообрядческого богослужения относятся и такие его черты, как продолжительность, неспешность, «уставность» церковных служб (обычно 4–6 часов, а по великим праздникам, когда молятся все-нощную, — даже до 12!). Поистине, во время такой службы забываешь о времени, — оно как бы растворяется, исчезает, уступая место вечности...

Такому ощущению в особенности способствуют чтение и пение. Характерной особенностью старообрядческого богослужения является церковное чтение. В церкви все читается различными «погласицами». Это особое распевное чтение, отличное от обычного литературного, сценического. Как пишет современный знаток и исследователь старообрядческих богослужебных традиций Е. А. Григорьев, «помимо правильности произношения, неспешности, внятности церковное чтение должно духовно вразумлять и внушать, быть величественным по характеру. В наибольшей мере все эти стороны находят отражение в интонации — в мелодии чтения. Не случайно в церковной традиции во все века, для каждого вида служебного чтения существовала своя интонация, так называемая *погласица*, своего рода напев, имеющий определенное эмоциональное и духовное значение и организованный по особым правилам»⁵. Например, одной погласицей читаются псалмы, другой — каноны и тропари, третьей — експсалмы (шесть особых псалмов, читаемых в начале утрени), четвертой — паремии (отрывки из книг Ветхого Завета), пятой — Апостол (Деяния и Послания апостолов), шестой — Евангелие, седьмой —

поучения, Пролог (жития святых), восьмой — Великий канон святого Андрея Критского, девятой — Псалтырь за упокой. Все это интонационное богатство служило не просто для украшения службы. «Нельзя недооценивать значение погласиц... Как и всякий церковный напев, они дают возможность правильно воспринимать священный текст в соответствии с порядком и смыслом соборной молитвы. Погласицей определяется не только характер содержания текста, но и его положение и значение в каждый момент Богослужения. Например, один и тот же псалом, в зависимости от места в службе, может исполняться на три погласицы (псаломская, експсаломская, заупокойная)»⁶.

Погласицы никогда не фиксировались письменно, но поскольку постоянно звучали за богослужением, то легко запоминались устно, передаваясь из поколения в поколение. Как правило, эти богатые интонационные традиции чтения (как и особенности древнего произношения некоторых букв славянской азбуки) сохранились до наших дней только в среде наиболее последовательных в отстаивании своих мировоззренческих позиций старообрядцев (прежде всего, в поморском и старопоморском согласиях). То же

можно сказать и о наиболее древних традициях знаменного пения — так называемом наонном, или хомовом пении.

Пение старообрядческое — подлинно молитвенное пение, не заслоняющее смысл богодухновенных слов пестротой нелепых мелизмов и не оскорбляющее слух навязчивой душевностью. В те времена, когда по всей Руси в храмах насаждалась оперная «итальянщина», именно старообрядцы наряду с древнерусской иконописью сумели пронести сквозь века и сохранить до наших дней еще одно бесценное сокровище наше — древнерусское знаменное пение, каким оно было на Руси до никоновских реформ. Именно оно по своему духу, тональности и всему строю как нельзя лучше отвечает идее *православного* богослужения, гармонично сочетаясь с другими видами церковного искусства. Если древняя русская иконопись — это «богословие в красках», то древний знаменный распев — «богословие в звуках». Древние распевы, строго одноголосные, звучат особенно торжественно и поистине ангелоподобно в таинственном полумраке старообрядческих храмов, освещаемых тихим светом восковых свечей и лампад.

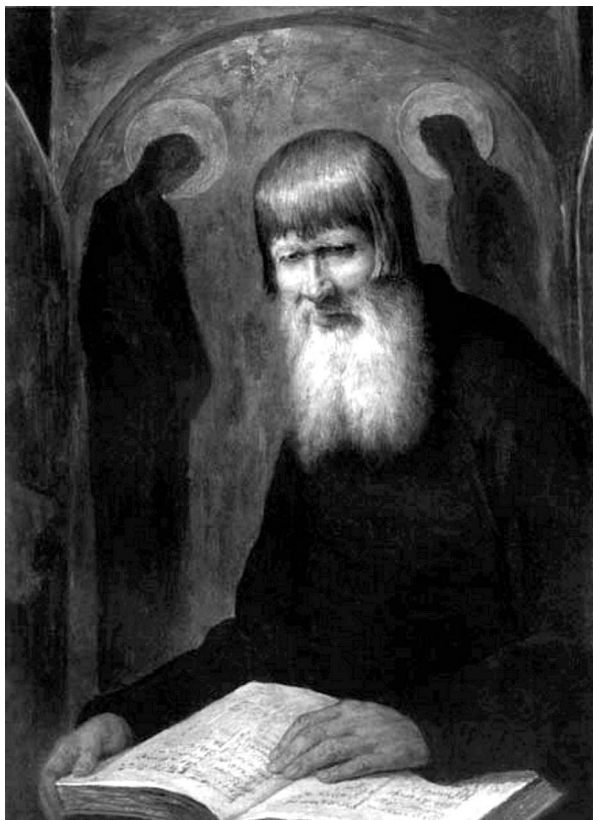
Глава 2

Старообрядческая книжность

Одной из величайших заслуг старообрядчества перед русской и мировой культурой является не просто сохранение многих памятников древнерусской книжности, но и творческое продолжение ее лучших традиций. Как отмечал В. Г. Сенатов, «гонение на старую книгу способствовало тому, что она из храмов переселилась в частные дома приверженцев старины. Эти последние всякими способами, не щадя ни сил, ни умения, ни средств, старались приобрести гонимые книги, припрятать их и сохранить. И почти вся русская старопечатная и древнеписьменная литература чрезвычайно быстро распространилась среди русского народа, преимущественно среди низших классов его — купечества и крестьянства. Это явление имеет необыкновенно важное значение и может считаться почти единственным в истории. Оно означает, что почти все мона-

стырские и церковные библиотеки поступили в свободное обращение среди народных масс»⁷.

Самым первым и главнейшим последствием введения новых книг явилось то, что старая книга перешла в народ. «Эта книга, попавшая в частные дома и убогие хижины, быстро привела чуть ли не к сплошной грамотности всей старообрядствующей массы. В данном случае не было школьного образования в нашем современном смысле, а произошло чисто народное, стихийное распространение грамотности. Деда, имеющие внуков, отцы, озабоченные о родителях и собственных детях, матери, кормящие грудью, девицы-красавицы, молодцы-удальцы — все находили возможным отрываться от своих злободневных занятий, научались грамоте и трепетно читали священные строки святых книг. По старообрядческим актам конца XVII столетия, всего через 20–30 лет после начала “раскола”, можно судить, что уже тогда старообрядцы имели книг множество и грамоту разумели. В XVIII веке, в первой четверти его, старообрядцы даже ощущают недостаток в книгах, особенно учительного и религиозно-бытового характера»⁸.

Старовер. Художник Михаил Боткин, 1877 год

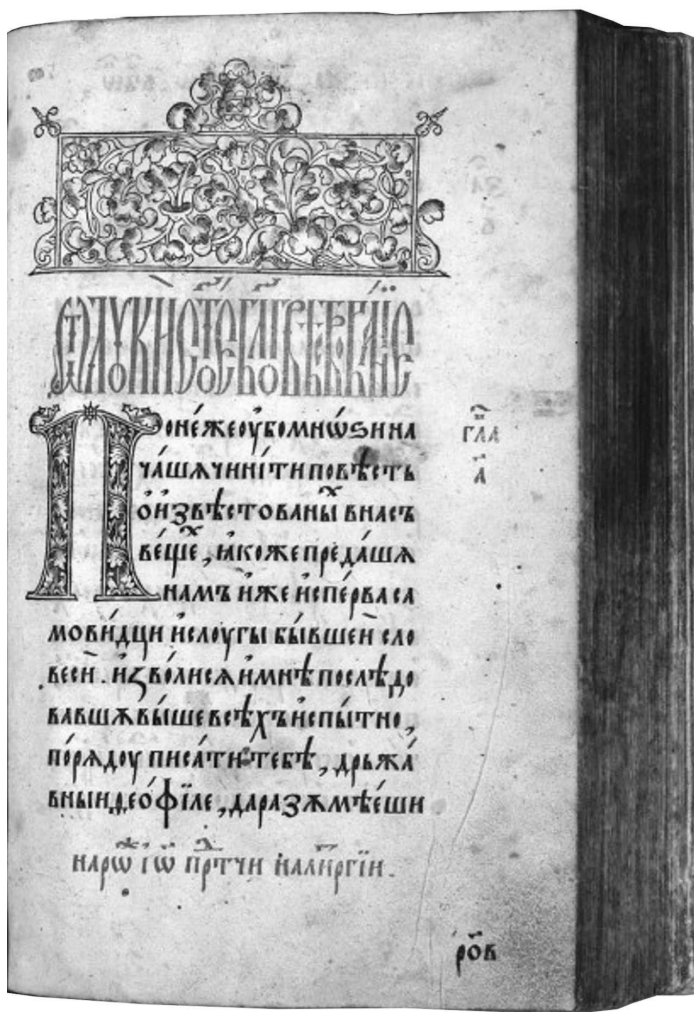
У старообрядцев всегда существовало особое отношение к книге. В старообрядческом духовном стихе об Иоанне Крестителе есть такие слова:

Сослал Господь Бог три дара,
Уж как первый дар — крест и молитву,
Второй дар — любовь и милостыню,
Третий дар — ночное моление,
Четвертую заповедь — читательную книгу.

В. П. Рябушинский замечает по этому поводу: «В высшей степени характерно здесь сопоставление читательной книги с крестом-молитвой, любовью-милостыней и ночным молением. Но при этом книга выделяется в особую категорию: она не дар, а заповедь, не самоцель, а нечто подсобное для высшего, чем она сама, для даров Божиих; однако книга, очевидно, настолько нужна и близка душе древлеправославного человека, что, даже говоря о важнейшем, он об ней не забывает. Вот эта уважительность к читательной книге, конечно священной, кроме многого и другого, резко отмежевывает старообрядцев от других русских религиозных групп, претендующих на обладание “духовным” христианством, то есть от хлыстов, скопцов, духоборов и т. д.»⁹

Евангелие

XVII века

Богослужебные книги и круг чтения старообрядцев

Книга играла огромную роль в жизни староверов. Старопечатные и рукописные «божественные книги» были не только эталоном в вопросах веры, но и учебниками, по которым дети осваивали азы грамоты. В первую очередь, наибольшим почитанием среди старообрядцев пользовались дониконовские богослужебные книги.

Богослужебные книги, бытовавшие в старообрядческой среде, имеют древнее происхождение. Сведения о христианских богослужебных книгах имеются уже в III веке у Оригена, упоминающего в трактате «Против Цельса» о книгах, в которых содержатся молитвы, читаемые на богослужебных собраниях. В основном создание богослужебных книг было завершено около IX века. В Русской Церкви книги появились вместе с принятием христианства. Первым переводом богослужебных книг на славянский язык был перевод святых Кирилла и Мефодия. Они перевели с греческого Евангелие, Апостол, Псалтырь и избранные службы (Евхологий, или Молитвослов). Остальные книги были переведены позднее.

Богослужебные книги можно разделить на собственно богослужебные, уставные, певческие, поучительные и толковые. Наиболее часто встречающиеся в староверческих домах книги — Часослов и Псалтырь. Часослов содержит в себе общую последовательность всех богослужений суточного круга (вечерня, павечерница, полунощница, утренья, 1-й, 3-й, 6-й и 9-й часы с междочасиями и обедница), а также тропари и кондаки всего годового круга. Однако в домашней молитве чаще использовался более краткий вариант Часослова — Часовник, в котором тропари и кондаки годового круга, а также междочасия отсутствовали, но обычно прилагались повседневные каноны или варианты воскресной и дневной службы.

Псалтырем, или Книгой псалмов, называется книга, входящая в состав Священного Писания и созданная пророком царем Давыдом (именно такое произношение имени было принято в Русской Церкви до раскола и теперь существует у старообрядцев). Название книги происходит от греческого глагола «хвалить». То есть Псалтырь можно перевести как «Хвалебник». Вместе с тем словом «псалтырь» обозначается и струнный музыкальный инструмент (по-еврейски

«навла»), в сопровождении которого первоначально исполнялись псалмы. Из всей Библии чаще всего в богослужении используется именно Псалтырь. На вечерне и на утрени, на павечернице и на полунощнице, на часах и обеднице — везде звучат те или иные псалмы. «Как у византийцев, так и у славянских народов [Псалтырь] ставилась в ряду канонических книг на второе место после Евангелия»¹⁰.

Весьма высоко отзывались об этой богодухновенной книге святые отцы. Их отзывы можно прочесть в предисловии к дораскольному Псалтырю: «Ни кия же бо иныя книги тако Бога славят, якоже Псалтырь, душеполезна есть. Ово Бога славит, со ангелы вкупе, и превозносит, и воспеваает велиим гласом, и ангелы подражает. Овогда бесы кленет и прогоняет, и велик плач, и язвы творит. За цари и князи, и за весь мир Бога молит. Псалтырию и о себе самом Бога умолиши, болши бо и выше есть всех книг» (святой Василий Великий).

А святой Иоанн Златоустый на вопрос «Добро ли есть оставить Псалтырь?» отвечал так: «Уне (лучше) есть солнцу престати от течения своего, нежели оставить Псалтырь — вельми бо есть полезно, еже поучатися псал-

мом и почитати прилежно Псалтырь; вся бо нам книги на пользу суть и печаль творят бесовом, но не якоже Псалтырь, да не нерадим».

Нередко встречалась среди староверов и такая книга весьма объемная, как «Псалтырь с возследованием», в которой Часослов и Псалтырь были не просто объединены под одним переплетом, но и содержали также и дополнительные главы.

Наиболее важным смысловым моментом богослужения является чтение новозаветных книг Апостола и Евангелия. В богослужебных Апостоле и Евангелии текст разделен на так называемые зачала — пронумерованные фрагменты, приуроченные к тому или иному дню или празднику. Существуют «рядовые зачала» — чтения на каждый день в течение года, зачала для праздничных служб, для богослужений в период Великого поста, для «общих служб» святым, зачала «на всякую потребу» (для таинств и треб) и другие. На старообрядческой службе часов обычно читается по два зачала из Апостола и Евангелия.

К книгам, необходимым для совершения богослужения в течение всего церковного года, относятся также Октай, Минеи, Триоди,

Трефолой, различные богослужебные сборники. Октай (от греч. «осмогласный») состоит из двух книг, содержащих воскресную и повседневную службу с 1-го по 4-й и с 5-го по 8-й глас. Был составлен еще в начале VII века, а в VIII веке отредактирован и дополнен преподобным Иоанном Дамаскиным. Сокращенный вариант Октая, содержащий воскресные службы всех восьми гласов и повседневные службы лишь одного из гласов, называется Шестодневом.

Минеи представляют собой 12 книг (на каждый месяц), содержащих расположенные по числам службы святым и праздникам. Праздничная минея содержит лишь важнейшие праздничные службы всего года, а Общая минея содержит общие варианты служб святым и праздникам и используется при отсутствии полного комплекта месячных Миней.

Книга Трефолой встречается достаточно редко (после раскола середины XVII века не переиздавалась в старообрядческих типографиях) и представляет собой 4 книги по три месяца. В Трефолое содержатся важные службы годового круга и отдельные службы, которые отсутствуют в месячных Минеях.

Книга Октай. Титульный лист

Триодь Постная и Триодь Цветная содержат службы предпасхального и послепасхального периода. В эти периоды Триодь частично или же полностью заменяет собою Октай и Минею. Изначально Триодь существовала в виде единого сборника, а затем была разделена на две части. Триодь Постная содержит в себе молитвословия на дни Великого поста (Четыредесятницы) с приготовительными седмицами к нему. Содержит песнопения, в основном авторов VIII–IX веков, среди которых Андрей Критский, Косма Маюмский, Иоанн Дамаскин, император Лев Мудрый, Феофан начертанный.

Триодь Цветная включает в себе песнопения от службы Лазаревой субботы до Недели Всех святых. Название «Цветная триодь» происходит от праздника Входа Господня во Иерусалим (Цветоносие), поскольку в ранней богослужебной традиции вторая часть Триоди начиналась со службы Лазаревой субботы, связанной с праздником Входа Господня во Иерусалим. В России такое деление Триоди сохранялось до середины XVII века и было изменено в ходе реформы патриарха Никона. В старообрядческих изданиях по древней традиции Триодь Постная заканчивается вместе с Четыредесятницей,

а Триодь Цветная начинается с Лазаревой субботы.

Различные богослужебные сборники (например, службы Богородице, служба русским чудотворцам и т. д.) обычно включают в себя службы, отсутствующие в Минеях. Издавались также различные Житийники (св. Николы Чудотворца, апостола Иоанна Богослова, преподобного Сергия Радонежского), содержавшие жития святых и службы им, которые в Минеях имеются. Наконец, для удобства чтения на молебнах была составлена особая книга Канонник — сборник наиболее распространенных канонов, взятых из Миней.

К уставным книгам относятся: Большой Устав, или «Око Церковное», «Поморский устав», «Савины^а главы». «Око церковное» представляет собой свод богослужебных указаний, в основу которого положен переработанный с учетом древнерусской богослужебной практики устав Иерусалимского монастыря святого Савы Освященного с добавлением уставных указаний из Устава святого Феодора Студита и составленных преподобным Марком Мнихом «Марковых глав»,

^а Здесь и далее написание имен собственных дается в старообрядческой традиции.

где изложен порядок службы при совпадении в один день нескольких праздников. Перевод Иерусалимского устава на церковнославянский язык был выполнен в 1401 году в Константинополе учеником преподобного Сергия Радонежского — преподобным Афанасием Высоцким Старшим. До XVII века Большой Устав распространялся на Руси в списках, а в XVII веке трижды издавался типографским способом: при патриархе Ермогене в 1610 году, при патриархе Филарете в 1633 году и при патриархе Иосифе в 1641 году.

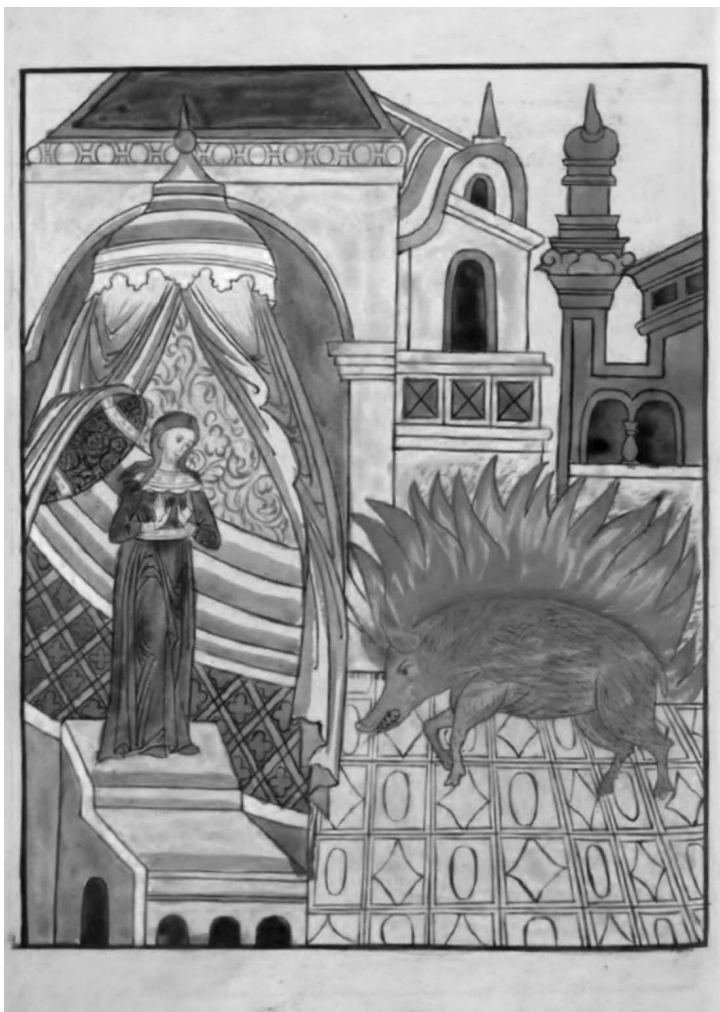
Современное старообрядческое богослужение основывается на «Оке Церковном». Однако этот устав рассчитан по большей части на ведение священнической службы, в то время как «Поморский устав», составленный в Выговском поморском общежительстве, и «Савины главы», опирающиеся на опыт Московской Преображенской федосеевской общины, представляют собой бессвященнословный вариант ведения церковной службы. Сюда же можно отнести и пользующийся большим спросом среди староверов Календарь Древлеправославной Поморской Церкви, содержащий подробные уставные указания по ведению соборной службы в воскресные и праздничные дни. Среди

уставных книг широко распространен также «Устав о домашней молитве», который содержит святцы для отпустов, запевы к канонам, отпусты на весь год, также краткие домашние молитвы и указания относительно постов.

О певческих книгах, бытовавших в старообрядческой среде, разговор пойдет в главе 5.

Поучительные книги включали в себя Учительное Евангелие (толкование еженедельных и праздничных евангельских чтений), Толковое Евангелие, Пролог (4 книги по 3 месяца, содержавшие краткие жития святых и небольшие поучения на каждый день года), Соборник Большой (объемные поучения для чтения в триодный период), Златоуст (более краткие поучения на триодный период, а также на воскресные дни всего года). Все эти книги читаются во время богослужения утрени. Также на повседневных службах читались Книга Ефрема Сирина, Толковый Апостол, Толковый Апокалипсис, Маргарит и некоторые другие книги.

Из наиболее популярных в старообрядческой среде книг необходимо упомянуть «Страсти Христовы» и «Григорьево видение». Епархиальные миссионеры неизменно указывали в своих ежегодных отчетах, что в каждой старообрядческой семье имеются Псал-

Цветник лицевой.

ИНАКА КР.

29

ГЛА. ПР.
ИГ.

СѢРЦА ВЕЛИКОЕ ШЖЕНѢ ПОЛЫВШЕЙ ГРѢ СВОЙ СЫДА РАДИ,
С ОВЛОХАХЪ БЫСТЬ ИѢКАА ЖЕНА ЧЕСТИАГО МѢЖА, ИГВѢТЬ ДЕ
 МА ВСѢМЪ ИДОБРОДѢТЕЛЬНА. ПОНЕЖЕ БѢ МИЛОСТИВА ИКЪ
 ЦРКВИ БЖІИ ПРИКѢЖНА. ДОМЪ СВОЙ ДОБРѢ СТРОЛШЕ. ИСИХЪ РАДИ
 СЛАВЪ ДОБРЮЮ СТАЖА ШКЕБЪХЪ. ИТАКЪ ДАЖЕ ДОКОНЧИНЫ ПРЕСЫ.
 И ПРЕСТАВИСА КОНЧИНОЮ ХРѢТИАНСКОЮ. ПОСЕБѢЖЕ ОСТАВИ ДЦЕРЬ
 БѢЛО БАГОЧЕСТИВЪ ИВѢРНЪ, ИТА ДЦЕРЬ ЕА НАКѢАКОЕ ВРЕМА МО
 ЛИТВЫ ШМѢТРИ СВОЕЙ ПРИНОСА КОБДЪ БГѢ СОСЛѢЗАМИ. ИПОНИ
 КОЛИКИХЪ ДНѢ ПРИЛѢГСА ЕЙ БНОЩІ МОЛИТНИСА, ВОСОЮБНОЙ ХРА
 МИНѢ. ИВНЕЗАПЪ НАПАДЕ НАНЮ СТРА ВЕЛИКІМ, ИНЕШЕШНЫ ПРИЛЪ
 ЧАЕ НАЧАША ВСИ СОСТАВЫ ЕА ТРЕПЕТАТИ. ШНАЖЕ ШЕРАЩШЕСА КО
 ДВЕРЕ. СЛЫШІ ТѢМО ИБІКІ ТРОТКОСТЬ. ИАБЕ СѢМИ ДВЕРИ ХРА
 МИНЫ ТОА ШВЕРЗОШАСА. ЗРИТЬ ВИДѢНІЕ НЕСТЕРПИМОЕ ЗРѢНІЮ:
 ГРАДЪЩЮ ВОХРАМИНЪ СВИНІЮ СТРАШНЮ ШДРАШНЮ КОЖЮ И
 ШЕРСТИ НЕИМБІЮ. ОГНЬ СТРАШНЫ ИСМРАДЪ ЛЮТЫИ ИЗКЕА
 СЕБѢ ИСПЩАЮЩЮ. ДВЦАЖЕ ВЪПАДЕ ВНЕСНОСНЫ И НЕСТЕРПИМЫ
 СТРА, ИЕДВА ПОЗѢ ВЛЕКОЩЕ КОШКОЩЪ. ХОТѢ НИЗВЕРГНУТИСА. ИА
 БѢ СЛЫШІ ГЛАГЪ ЗАСОБОЮ. СТОЙ СТОЙ ДЦІ МОА, СТОЙ НЕ ОУЖА
 СѢСА. ДВЦАЖЕ ОУСЛЫША ЧЕЛОВѢТЪ ГЛАГЪ. ПАЧЕЖЕ ПОДЮННЫ МА
 ТЕРИ ЕА. МАЛО ВСЕБѢ ПРІИДЕ. НАЗНАМЕНАСА КРЕСТНЫ ЗНАМЕНІЕ,
 ИСИЛЪ ВОСПРІИМЪ, ХОТѢ ОУВѢДАТИ ЧТО ЕСТЬ СТРАШНОЕ ВИДѢНІЕ, И
 ТОЩЮ СТА. ПАКИ СЛЫШІ ГЛАГЪ ШНЕА. НАЧА ГЛАТИ, ИНѢ ДЦІ МОА
 РАЗЪЯСНИ ІАКО АЗЪ НЕ СЧАСТНАА И ПРЕШКАА НААА. И ПРОКЛАТАА ШБѢ
 МАТИ ТВОА. ІАКО АЗЪ АЩЕ ШТАКЪ ИБЕЗПОХВЛЕНІА ПОЖИХЪ. ИБѢГО
 ЧЕСТИВА ВЪ МѢНАХА. ШПАТЕ ВЕЛИКИ ИГИБНЫ ГРѢХОВЪ. ИХЪЖЕ
 ИСПОЛНИ СОШЩЕ ТВОИ, И СЫДА РАДИ НИКОГДАЖЕ ИХЪ ИПОВѢДА
 АХОВНОМЪ МОЕМЪ ШЦЪ ИЗА ОУТѢНІЕ СІЕ. ТАКО ІАКОЖЕ ВИДИШИ О
 СЮЖДЕННА ЕСМЪ. ВОМРАКЪ АДЕКІИ СНИЗВЕДОХА. КТОМО ШМИНѢ
 ДЦІ МОА НЕМОЛІСА. ДВЦАЖЕ ШЛОЖИ СТРАХЪ. ВОПРОСИ ЕА КА
 КОВЫ СОУТЬ АДЕКІА МОУКИ. ШНАЖЕ ШВѢЩА. А, МѢЖА, НЕВИДѢТИ

19,

TXT.DRE

тырь, Часослов, Цветник и «Страсти Христовы». «Страсти Христовы» входили в круг чтения каждой старообрядческой семьи и содержали повествование о вольных страданиях Иисуса Христа, включая в себя события от Лазаревой субботы до Воскресения.

«Страсти Христовы» основываются как на канонических, так и на апокрифических источниках («Евангелие Никодима», «Послание Пилата к Тиберию», «Сказание о приходе в Рим Марфы и Марии», «Сказание Иеронима о Иуде-предателе», «Слово на Великий пяток Кирилла Туровского», «Слово о сошествии во ад Иоанна Предотечи Евсевия Александрийского»). По мнению специалистов, «Страсти Христовы» появились на Украине во 2-й половине XVI века и позднее были переведены на церковнославянский язык, скорее всего, в годы царствования Алексея Михайловича. Сохранились списки второй половины XVII – конца XVIII века, некоторые из них лицевые. На протяжении XVIII–XX веков книга неоднократно издавалась в старообрядческих типографиях (первое издание – Супрасль, конец 1780-х годов), в том числе с цветными миниатюрами.

Книга «Григориево видение» представляет собою извлечение из рукописной Четьи Миней

митрополита Макария Московского («Жития и отчасти чудес сказание преподобнаго Василия Новаго и видение ученика его Григория»). Само «Житие преподобного Василия Нового» (ум. 942 или 955) было создано во второй половине X века в Константинополе и известно в нескольких редакциях. На церковнославянский язык Житие было переведено дважды. Древнейший перевод был выполнен, судя по всему, еще в конце XI века на Руси. Второй перевод был выполнен не позднее XIV века у южных славян. В этом втором переводе собственно житийные эпизоды были сокращены, а основное содержание составили два больших видения: Хождение преподобной Феодоры по мытарствам и Видение Страшного Суда Григорием (учеником преподобного Василия Нового). Это произведение было очень популярно на Руси и явилось классическим источником православного учения о мытарствах (мытарства — нечто вроде застав или таможен, которые встречают на своем пути души умерших людей, возносясь к престолу небесного Судии; при них стоят духи злобы и взимают со всякой души, повинной в известном грехе, своего рода пошлину или выкуп, состоящий в поставлении им на вид противоположного этому греху доброго дела).

Со второй половины XVII века Житие Василия Нового обретает второе рождение в старообрядческой среде. Это было связано прежде всего с развитой и весьма выразительной эсхатологией, содержащейся в данном произведении и перекликавшейся с ожиданием старообрядцами близкого конца света и Второго Пришествия Христова. От XVII–XIX веков дошли сотни списков этого литературного памятника, в том числе и лицевых. Житие переписывалось как целиком, так и отдельно видения Григория и преподобной Феодоры. Они входили в состав различных Сборников и Цветников, а с конца XVIII века Житие неоднократно издавалось подпольными старообрядческими типографиями, выдержав до рубежа 10–20-х годов XIX века не менее шести изданий. Со второй половины XVII века среди старообрядцев широко распространились лицевые списки как полного «Жития Василия Нового», так и видений Григория и преподобной Феодоры. Количество цветных миниатюр в них исчисляется десятками, а иногда даже превышает сотню. С XVIII века отдельные сюжеты Жития получают отражение в старообрядческом рисованном и печатном лубке. Печатное ли-

цевое издание «Григориева видения» вышло в начале XX века в Москве в Христианской типографии при Преображенском богаделенном доме (1912).

Большой интерес у старообрядцев существовал и к различного рода апокрифам, имевшим широкое хождение на Руси. Среди них в старообрядческих рукописях чаще всего встречаются эсхатологические апокрифы: «Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Сон Богородицы», «Хождение старца Агапия в рай», а также «Сказание о двенадцати пятницах», «Епистолия о неделе», «Беседа трех святителей», «Иеросалимский список» и другие.

Новые исторические реалии, полемика между старообрядческими согласиями привели к появлению в XVIII–XIX веках ряда оригинальных апокрифических сочинений: Седмитолковый Апокалипсис, «Книга Евстафия Богослова об антихристе», «Толкование Амфилохиево вторых песни Моисеовы», «Слово от старчества, в немже инок Захария беседова к ученику своему Стефану об антихристе», «Повесть о бражнике, из бесед евангельских», тетрадь «О винном сотворении», «О бульбе» из книги

Толковый Апокалипсис.

Рукопись XVIII века

Миниатюра из Толкового Апокалипсиса

Пандок, «О духовном антихристе» и некоторые другие.

Имели широкое хождение также старообрядческие апокрифические сочинения, направленные против употребления картофеля («Царь именем Мамер», со ссылкой на книгу Пандок); сочинения, содержащие запрет на употребление чая («В коем доме самовар и посуда, в тот дом не входить до пяти лет», со ссылкой на 68-е правило Карфагенского Собора: «Кто пьет чай, тот отчаивается будущего века»), кофе («Кто пьет кофий, в том заводится злой ков»^b) и табака, приписываемые Феодору IV Вальсамону и Иоанну Зонаре; сочинения против ношения галстуков («Сказание о платах, неции носят, выписано ис Кроника, сиречь Летописца латынского»). Продолжавшиеся почти два века поиски старообрядцами благочестивого архиерея породили апокрифическое хождение (точнее, описание маршрута) в обетованную страну, где якобы процветает древнее благочестие, — Беловодье. Это знаменитый «Путешественник» Марка Топозерского (известны списки этого памятника с середины XIX века).

^b Ков — тайный злой умысел, коварное намерение.

Старообрядческая литература

Возникшая острая нехватка дониконовских богослужебных книг в среде старообрядчества вызвала их усиленную переписку, которая практиковалась на протяжении XVII–XX веков. Появляется такое уникальное явление русской культуры, как старообрядческая рукописная книга. «Старообрядческая рукописная книга является совершенно особым типом рукописной книги, опирающейся как на древнерусские традиции книгописания, так и на традиции отечественного книгоиздания. Старообрядцы не только стремились придать переписываемым ими рукописям внешнее сходство с печатными, но начиная с 1667 года стали называть рукописные сборники книгами, стремясь уравнивать их в глазах читателей с официальными изданиями... Старообрядческая книга в ее законченном виде появилась не сразу. Лишь со временем, когда ходившие по рукам “тетради” стали объединяться в одном переплете, выявился неожиданный публицистический эффект такого объединения. Умелый тематический подбор придавал таким компиляциям самостоятельное смысловое значение. Так родился тип старообрядческой книги, определяемый как

сборник. Существует множество старообрядческих сборников, принадлежащих к разным видам, главными из которых являются: литературно-публицистический, богословско-учительный, догматический, богослужебный и др. При этом следует отметить, что деление старообрядческих рукописных книг на виды и жанры не должно быть, да и не может быть жестким. Именно синтез жанров является одним из признаков старообрядческой литературы»¹¹.

Каждому из этапов старообрядческого движения можно найти соответствие в определенном периоде литературного творчества старообрядцев. При этом исследователи выделяют десять периодов, литературные памятники которых обладают характерными для своего времени чертами. «При всей условности этой периодизации она дает возможность обозреть круг старообрядческих сочинений, назвать имена писателей-староверов, тематику их работ, сравнить литературную и книгописную деятельность старообрядческих центров»¹².

Так, особенностями **первого** периода (1653–1663) является создание базы источников для старообрядческой пропаганды и публицистики. Собирая челобитные и «записки»,

Протопоп Аввакум.
Миниатюра А. А. Великанова. Начало XX века

анализируя «исправления», сделанные церковными реформаторами, старообрядцы накопили богатейший материал для последующего развития рукописной книги. К этому периоду относятся произведения таких авторов, как Даниил Костромской (ум. 1653), Иван (Григорий) Неронов (1591–1670), Никита Добрынин (ум. 1682), дьякон Федор Иванов (ум. 1682), игумен Феоктист (ум. 1666).

Пожалуй, самым известным из старообрядческих писателей этого времени является протопоп Аввакум Петров (1620–1682). Сочинения «огнепального протопопа», общее число которых превышает 80 (некоторые из них до нас не дошли), можно разделить, помимо его автобиографии, на три части: 1) истолковательные беседы, 2) челобитные и 3) полемические и учительные послания к отдельным лицам и группам единомышленников.

Несомненно, самое известное произведение протопопа Аввакума — это его автобиографическое «Житие», написанное в 1672–1675 годах по «понужению» его духовного отца инок Епифания. Обычно жития писались после смерти святых подвижников на основе преданий и воспоминаний непосредственных участников событий. Здесь же в качестве жития были представлены

великои мое горѣшени
 е прираще блугнище
 на кажеся таже за
 лага. Аапи сани е я по
 хлаять за то. јѣхъ
 рааи порасвайте. да
 гртхотпорко я учикль.
 јѣхъ мекъ протипте. да
 ас црковному предаки
 кспротипно јно јтаиб,
 лаако. пошъ памъ јнѣ
 сто ѡстапилъ припиши
 те (поѣдъ рбкобъ) кѣ
 моеи јаотери јли прощени
 е јли бактики. покеже
 кѣ заѡако поропали ѡ
 рааи ѣлѣвца ѣхоронъ,
 јѣа ево пощади я кѣ
 сѣаи теке таиб чаѡ ѡ
 хе не таиб сѣаи теке
 наѣ сѣаѣ. сѣѡ аѡа. при
 пиши же чаѡни ѡ

Автограф Жития Аввакума

собственноручно написанные Аввакумом воспоминания о своей жизни. В биографической части «Жития» Аввакум пространно повествует о событиях нелегкой судьбы, выпавшей на его долю и на долю всей его семьи, рассказывает о различных этапах своей многотрудной жизни, о вынесенных тяготах и мытарствах, о необыкновенных видениях и чудесах, бывших с ним, живописует сложную обстановку религиозных споров в русском обществе середины XVII века. Он создает выразительную галерею лиц разных сословий (от царя и патриарха до крестьян), которые непосредственно соприкасались с автором на разных этапах его жизненного пути.

«Житие» протопопа Аввакума представляет собой совершенно новую страницу в истории русской литературы в целом. Будучи строгим традиционалистом в церковной области, Аввакум выступает в области литературы как новатор. Прежде всего, на фоне предшествующей литературной традиции выделяются его стиль и поэтика. Язык Аввакума — подчеркнуто разговорный («занеже люблю свой русский природный язык, виршами философскими не обыкл речи красить»). Он лишен утонченных изысков, но при этом

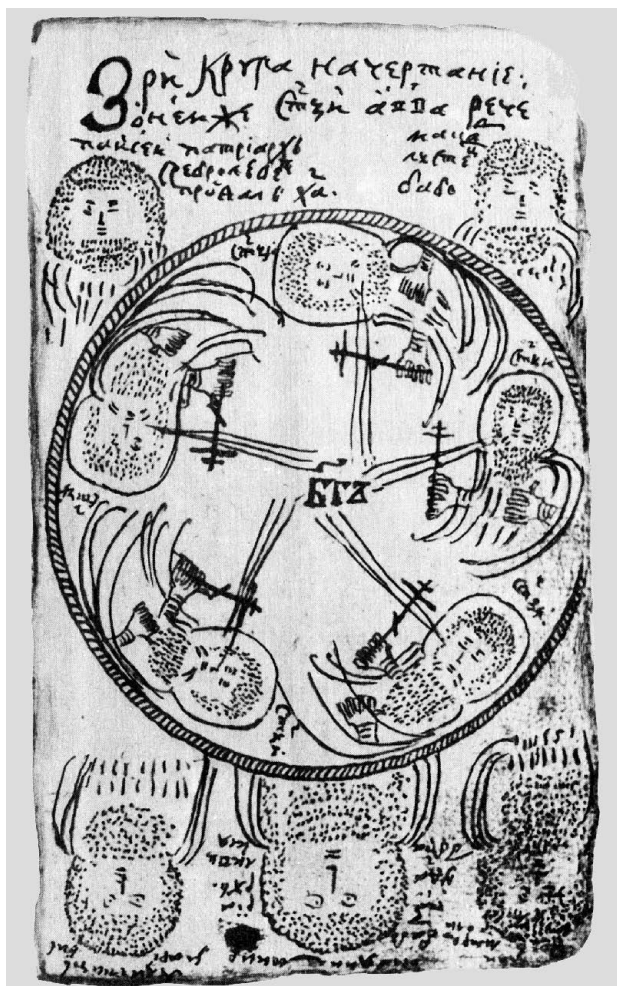
удивительно точен, правдив и впечатляюще образен. Аввакум широко использует народную речь даже в сюжетах, затрагивающих вопросы догматики. По ходу довольно пространного повествования он свободно варьирует приемы рассказа, внутреннего диалога и полемики.

«Житие» сохранилось в трех авторских редакциях, две из которых дошли в автографах (один найден В. Г. Дружининым, другой — И. Н. Заволоко). Существуют также найденный В. И. Малышевым Прянишниковский список — отредактированный в XVIII веке текст самого раннего варианта «Жития», не дошедшего до нашего времени, и две позднейшие переработки произведения.

Этот выдающийся памятник древнерусской литературы и одновременно старообрядческой богословской мысли был опубликован лишь в 1861 году. До этого «Житие» распространялось в рукописных списках, которые тайно переписывались в старообрядческих монастырях и скитах. Главное произведение Аввакума представляет величайшую ценность и как свидетельство о жизни священномученика и исповедника древлеправославной веры, и как исторический источник, характеризующий русское общество

середины XVII века в его отношении к Никоновым «новинам». Творчество протопопа Аввакума оставило заметный след в русской литературе и культуре XIX–XX веков. О нем неизменно высоко отзывались такие разные писатели, как Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, В. М. Гаршин, И. А. Гончаров, Н. С. Лесков, Н. Г. Чернышевский, И. А. Бунин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. М. Горький, С. В. Максимов, Л. М. Леонов, А. Н. Толстой и другие. Аввакумовское «Житие» было переведено на многие языки мира.

В те же годы, что и «Житие», Аввакумом была написана «Книга бесед» (с 1669 по 1675 годы). В ней нашли отражение его взгляды на современные ему события. Наряду с беседами она включает письма и послания Аввакума к разным лицам. Основное содержание сборника составляют десять бесед (названия бесед предложены при публикации Н. И. Субботиным и П. С. Смирновым): 1) «Повесть о страдавших в России за древлецерковная благочестная предания»; 2) «Об образе Креста Христова»; 3) «Об иноческом чине»; 4) «Об иконном писании»; 5) «О внешней мудрости»; 6) «О днях поста и мясоястия»; 7) «О старолюбцах и новолюбцах»; 8) «Об Аврааме»; 9) «Толкование на 87–88 зачало Послания к римлянам»

Автограф Аввакума
с карикатурами на никонианских архиереев

и «23 зачало Евангелия от Иоанна»; 10) «О нанятых делателях». По мере написания бесед Аввакум отправлял их к своим единомышленникам — боярыне Ф. П. Морозовой, княгине Е. П. Урусовой, старице Мелании и другим. В старообрядческой среде «беседы» Аввакума объединялись в сборники, но ни один из них не содержит полного текста. Эти беседы Аввакум по мере написания отправлял вместе с сопроводительными письмами своим единомышленникам — «всем горемыкам миленьким на всем лице земном», «старице Мелании с сестрами и подначальною Анисьею», «тричисленной единице» (Морозовой, Урусовой и Даниловой).

В 1673–1676 годах появляется еще одно крупное произведение Аввакума — «Книга толкований», адресованная его земляку и любимому ученику Симеону Ивановичу Крашенинникову (иноку Сергию). В нее вошли толкования на псалмы, на книги Притчей, Премудрости Соломоновой, пророка Исайи, а также оригинальное аввакумовское сочинение «Что есть тайна христианская, и как жити в вере Христове». Сквозь призму ветхозаветных текстов Аввакум показывает события современности и тем самым дает им духовную оценку.

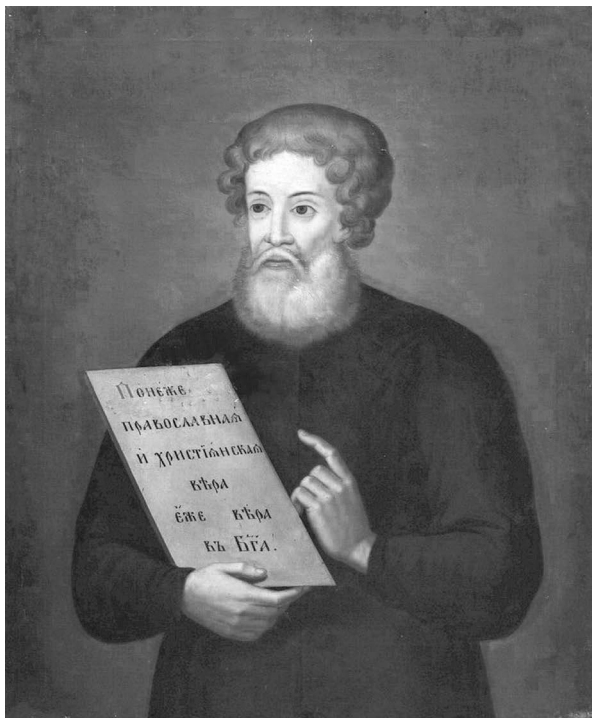
Значительную часть литературного наследия протопопа Аввакума составляет его эпистолярное творчество. Взгляды Аввакума на современность и на современников нашли отражение в челобитных царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу, в посланиях и письмах семье, Ф. П. Морозовой, Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой, царевне Ирине Михайловне, игумену Феокисту, юродивому Афанасию (иноку Авраамию), Маремьяне Феодоровне, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне, Алексею Копытовскому, отцу Ионе, старице Капетолине, Борису и «прочим рабам Бога Вышняго», «отцам святым» и «преподобным маткам», «отцам поморским», «верным», «горемыкам миленьким» и т. д.

Для **второго** периода литературного творчества старообрядцев (1664–1682) было характерно углубление конфликта между ними и новообрядцами и вынесение внутрицерковной полемики на суд общественности. Именно в это время старообрядческая книга начала приобретать правовой статус и получила широкое распространение в народе. Писатели-старообрядцы начинают переходить от адресованных узкому кругу лиц «грамоток», писем и челобитных к литературно-

публицистическим и богословско-учительным сочинениям: это и челобитная суздальского священника Никиты Добрынина (прозванного своими врагами «Пустосвятом»), и «Свиток» попа Лазаря, и «Книга» выдающегося философа и богослова Спиридона Потемкина, и сборники «Вопрос и ответ» и «Христианоопасный щит веры» инока Авраамия. На Соловках были составлены сочинения «Ответ вкратце Соловецкого монастыря» и «Сказание о новых книгах» (1667).

Третий период развития старообрядческой письменности (1683–1725) был отмечен гибелью главных старообрядческих писателей первых лет раскола и появлением нового поколения старообрядцев — братьев Андрея (1674–1730) и Симеона Дионисьевичей (1682–1741), Даниила Викулина (1653–1733), Петра Прокопиева (1665–1719), Феодосия Васильева (1661–1711), Ивана Филиппова (1661–1744), инока Евфросина Куржецкого (2-я половина XVII века), дьякона Александра Керженского (1674–1720). В этот период общественная активность староверов уходит в глубину народных масс, преимущественно крестьянских.

В атмосфере жестоких гонений неизбежно возникал вопрос: как жить дальше? Мно-

Выговский киновиарх Андрей Дионисьевич

гие ожидали конца света, полагая, что уже наступили последние времена, видели в патриархе Никоне предсказанного в Библии антихриста. Необходимо было осознать происходящее и вынести оценку реформам с точки зрения православной традиции. 8 июля 1658 г. состоялся Соловецкий монастырский собор, который вынес решение: «Новых книг не принимать, по ним не служить и за отца архимандрита стоять...» Первоначально все старообрядцы единодушно разделяли это мнение, выраженное иноками авторитетнейшего русского монастыря.

В дальнейшем страшные гонения, невозможность собираться вместе для выработки единого соборного мнения явились причиной разделения старообрядцев на толки, или согласия¹³. Особенно остро стоял вопрос о священниках. После расправы над епископом Павлом Коломенским весь русский епископат, уstraшенный его участью, оказался на стороне реформаторов. Епископов-староверов не осталось, следовательно, новых священников рукополагать было уже некому, а старые постепенно умирали. Неизбежно возникал вопрос о дальнейшей судьбе Русской Церкви. Собственно, поиски ответа на этот вопрос привели к разделению в старо-

обрядчестве. Часть ревнителей старой веры пришла к выводу, что с 1666 г. (эта дата была предсказана в авторитетной для старообрядцев «Книге о вере») в мире воцарился антихрист и настали последние времена, а как следствие этого — священство лишилось благодати и некоторые церковные таинства безвозвратно утрачены. Следовательно, исповедники православия должны бежать от мира, беречься его соблазнов и, сохраняя себя в чистоте и непоколебимой преданности старине, дожидаться Страшного Суда. Это мировосприятие стало основой общества староверов, не имеющих священства («беспоповцев»).

Другая часть староверов, признавая, что с никоновской «реформации» официальная церковь отошла от истины, все же сочла возможным (после совершения соответствующего чина, «исправы») принимать от нее священнослужителей в сущем сане. Это направление условно стали называть «беглопоповским» (или просто «поповским»). Но еще примерно до середины XIX в. в некоторых старообрядческих согласиях была жива вера в то, что где-то существует истинное священство и сохранилось православное царство — так появились легенды о Беловодье, Опонь-

ском царстве и невидимом граде Китеже. Староверы различных согласий принимали участие в совместных соборах, обсуждавших проблемы поиска архиереев, и даже предпринимали экспедиции на Восток и Балканы. Эти поиски продолжались около 150 лет и не дали никаких результатов.

В результате разделений как по различным церковным вопросам, так и в силу внешних причин, в старообрядчестве образовалось несколько десятков согласий. Из беспоповцев наиболее влиятельными были *поморское* согласие, возникшее на севере России — в Поморье, и отделившееся от него *филипповское* согласие, названное по имени его основателя Филиппа, бывшего стрельца. В псковско-новгородских пределах возникло *федосеевское* согласие, основанное Феодосием Васильевым. Последователи этих согласий были особенно непримиримо настроены по отношению к существующему строю и вели аскетическую жизнь. В керженских непроходимых лесах в конце XVII в. зародился *нетовский*, или *спасовский* толк, проповедники которого учили, что раз в мире нет ни православного священства, ни таинств, ни благодати, то спасение можно получить только уповая на Спаса (Исуса Христа). Поз-

же этот толк разбился на несколько согласий: *глухую нетовщину, поющую нетовщину, рябиновщину, самокрещенцев, или бабушкино согласие, дырников и др.*^c Известен также *бегун-*

^c *Глухая нетовщина* (иногда — староспасовцы, а также келейники) — основная часть нетовцев, по самоназванию которых «спасово согласие» иногда называют всех нетовцев вообще. Не признают исповеди, не совершают уставных молебнов, вместо которых они только читают Псалтырь и кладут поклоны, используя лестовку. *Поющие нетовцы*, напротив, признают исповедь и отправляют службы, совершая пение по уставу. *Рябиновцы* (рябиновщина, иногда логутовщина; самоназвание — безпоповцы по кресту честному) не молятся на иконы, на которых присутствует кто-либо кроме изображаемого образа, и почитают только кресты из рябины. *Самокрещенцы* (также бабушкин толк, бабушкино согласие, бабушкины, самокресты) — течение в нетовщине, отличающееся от остальных старообрядцев в основном тем, что его сторонники крестили сами себя (без привлечения священников, которых не признавали) через троекратное погружение в воду и чтение Символа веры. *Дырники* — одно из ответвлений нетовщины. От остальных старообрядцев отличаются в основном тем, что отрицают иконы как осквернённые образа и молятся строго

ский, или *страннический*, толк, основанный в конце XVIII в. беглым солдатом Евфимием, призывавшим верующих ради спасения душ на «вечное странство». Евфимий выступал против императора, которого считал представителем царства антихриста, против частной собственности, против неравенства.

Из беглопоповцев со временем выделились *единоверческое, австрийское, или белокрыницкое, согласия, беловодская и новозыбковская* иерархия. В XIX в. от беглопоповцев отошли *часовенные*, названные так потому, что из-за отсутствия священников грамотные уставщики-миряне вели у них богослужение, крестили, исповедовали и причащали верующих в часовнях. Тем самым они практически перешли на беспоповскую практику ведения церковной службы.

В условиях постоянных гонений старообрядцам было особенно важно созидать свою духовную жизнь, быть организованными, сплоченными, иметь своих пастырей, руководителей, участвовать в церковных таинствах, духовно питаться и расти. Нужны были

на восток, для чего в стенах домов проделывают отверстия, чтобы иметь возможность молиться в зимнее время.

духовные центры. Такими центрами обычно становились старообрядческие поселения, по преимуществу монастыри и скиты. Отсюда осуществлялось руководство Церковью, рассылались на приходы священники и наставники, составлялись всевозможные соборные послания к верующим, писались сочинения в защиту староверия, воспитывались апологеты и проповедники древле-православия. В некоторых местах сосредоточивалось несколько скитов и монастырей, объединявшихся под руководством ведущего монастыря, наиболее авторитетного и уважаемого. Таких крупных духовных центров в истории старообрядчества было несколько. Наибольшую известность получили Выговское поморское общежительство, Керженец, Стародубье, Ветка, Иргиз, Преображенское и Рогожское кладбища в Москве, Малоохтинское, Волковское и Громовское кладбища в Петербурге, Гребенщиковская община в Риге.

Все эти духовные центры одновременно являлись и «культурными очагами», где бережно сохранялись ростки древнерусской культуры и получали творческое продолжение традиции книгописания, иконописи, древнего знаменного пения, многих народных промыслов. Значение этих старо-

обрядческих духовных центров для русской культуры трудно переоценить. Так, собранная в Выговском общежительстве библиотека включала в себя практически все древнерусское книжное наследие. При этом в ее состав входили не только богослужебные, богословские и полемические книги, но также и книги учебные. Среди последних можно было встретить разнообразные грамматики и риторики, сочинения античных и современных философов, «Диалектику» Иоанна Дамаскина и «Великую науку» Раймунда Люллия.

Духовными руководителями и писателями Выговской пустыни в этот период были созданы сотни оригинальных сочинений, среди которых знаменитые «Поморские ответы» Андрея Дионисьевича — грандиозный свод знаний по богословию, церковной археологии и палеографии, направленный в защиту старой веры от нападков синодальных миссионеров. На Выгу создавались также философские и исторические сочинения («Виноград Российский» и «История об отцах и страдальцах соловецких» Симеона Дионисьевича, «История Выговской пустыни» Ивана Филиппова и другие).

Литература **четвертого** периода (1725–1760) отражает процесс дальнейшего раз-

«Поморские ответы». Рукопись XVIII века

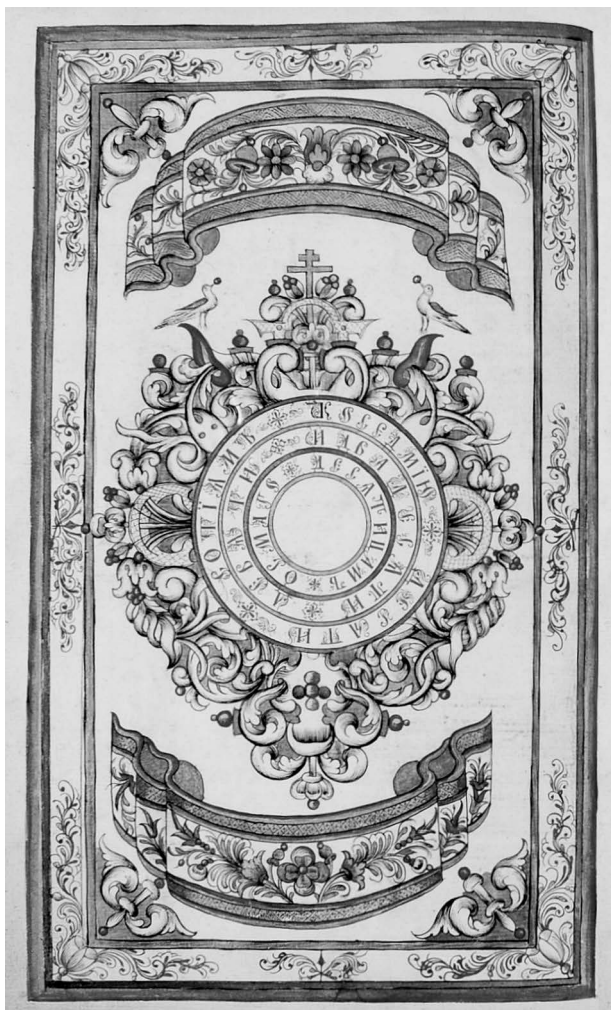
«Виноград Российский» Симеона Дионисьевича

деления староверия на согласия, каждое из которых стремилось обосновать свою истинность и преемственность от древле-православной традиции. Особенности этого периода стали развитие и фиксация в памятниках старообрядческой письменности разных эсхатологических теорий, а также весьма оживленная полемика между представителями разных согласий. К этому периоду относятся произведения таких писателей, как Мануил (1691–1759) и Трифон Петровы (1670–1766), Даниил Матвеев (1687–1776), Михаил Вышатин (1667–1732), Гавриил Семенов Украинцев (1675–1750), Матвей Андреев (конец XVII — первая половина XVIII века).

Пятый период (1761–1821) проходил на фоне отношения правительства к старообрядчеству «в духе широкой терпимости и гуманности». Вместе с тем в это же время возрождается крайне радикальное эсхатологическое учение, проповедниками которого стали бегуны (странники) во главе со своим учителем Евфимием. Основу эсхатологических построений в сочинениях староверов-странников составило учение о Петре I — антихристе. Характерной особенностью этого времени является господство эсхатологической тематики в старообрядческой литературе.

К пятому периоду принадлежат имена таких писателей, как Андрей Борисов (1734–1791), Иван Алексеев (1709–1776), Федор Петрович Бабушкин (1764–1842), Василий Емельянов (ум. 1797), Гавриил Скачков (1745–1821), Илья Алексеевич Ковылин (1731–1809), Сергей Семенович Гнусин (ум. 1839).

Грандиозный труд под названием «Щит веры» (1789–1790) был создан поморцем Тимофеем Андреевым. Это сочинение представляет собой ответы старовера-беспоповца на 382 вопроса старообрядцев-поповцев. В отличие от «Диаконных» и «Поморских ответов», авторы которых отвечали на вопросы синодальных миссионеров и были тем самым связаны необходимостью самоцензуры, в «Щите веры» многие положения беспоповской доктрины излагаются значительно подробнее и определеннее. Детально рассматривается положение церкви, вынужденно лишившейся священства; подробно излагаются все новшества и искажения в вероучении и деятельности новообрядческой церкви (автор насчитывает 131 разновидность таких искажений по сравнению с дораскольской церковью!). В произведении дается обоснование практики совершения таинств крещения и покаяния мирянином при отсутствии право-

«Щит веры».

Рукопись начала XIX века

ПАВЕЛЪ ЛЮБОПЫТНЫЙ

Павел Любопытный

славного священнослужителя. Автор «Щита веры» демонстрирует глубокие познания не только в святоотеческой литературе, каноническом праве и истории Церкви, но и в современной ему филологии и историографии. Он обращает углубленное внимание на круг проблем, называемых на современном философском языке взаимосвязью сущности и явления, формы и содержания, а также на герменевтику, принципы истолкования текстов.

Другое фундаментальное беспоповское сочинение «Меч духовный» было создано в 1771 году наставником новгородских федосеевцев Алексеем Самойловичем (1691–1771) и также направлено против старообрядцев-поповцев. Автор, по некоторым сведениям, обучавшийся в семинарии, был достаточно неплохо знаком с европейской схоластикой и философией. Это явствует как из структуры произведения с его стремлением к схоластической систематизации, так и из использования аристотелевских четырех причин в методике построения доказательств.

Особой плодovitостью отличался писатель-поморец Павел Любопытный (псевдоним Платона Львовича Светозарова, 1772–1848). Около 30 лет он прожил в Петербурге.

Здесь началась его литературная деятельность и была создана бóльшая часть сочинений. Список трудов Павла Любопытного превышает сотню названий. Среди них — письма, речи, эпитафии, полемические произведения (в частности, его приверженность к древнейшему «наонному» пению отразилась в стихотворном послании к Андреяну Скачкову, где он ругает последнего за пение «наречное»). Однако наибольшую известность Павлу Любопытному принесли его исторические труды: «Словарь 86 отменных и важных мужей староверческих церквей» и «Каталог, или Библиотека писателей староверческой церкви». Для создания этого монументального произведения автору потребовалось около 15 лет (1813–1828). Сочинение разошлось в рукописных копиях, а с 1861 года не раз публиковалось в журналах и книгах.

Если *шестой* период (1822–1860) характеризовался вынужденным упадком книжной деятельности старообрядцев, связанным с ужесточением политики правительства Николая I в отношении старообрядчества и попыткой старообрядцев приспособиться к новым условиям (что, в частности, выразилось в перемещении духовных центров поповцев

и беспоповцев в Москву), то *седьмой* период (1861–1905) явился временем самого настоящего подъема старообрядческой литературы, когда на первый план вновь выдвинулись сочинения полемического характера (споры между староверами и миссионерами синодальной церкви). В эти годы широкое распространение получили произведения, размноженные на гектографе.

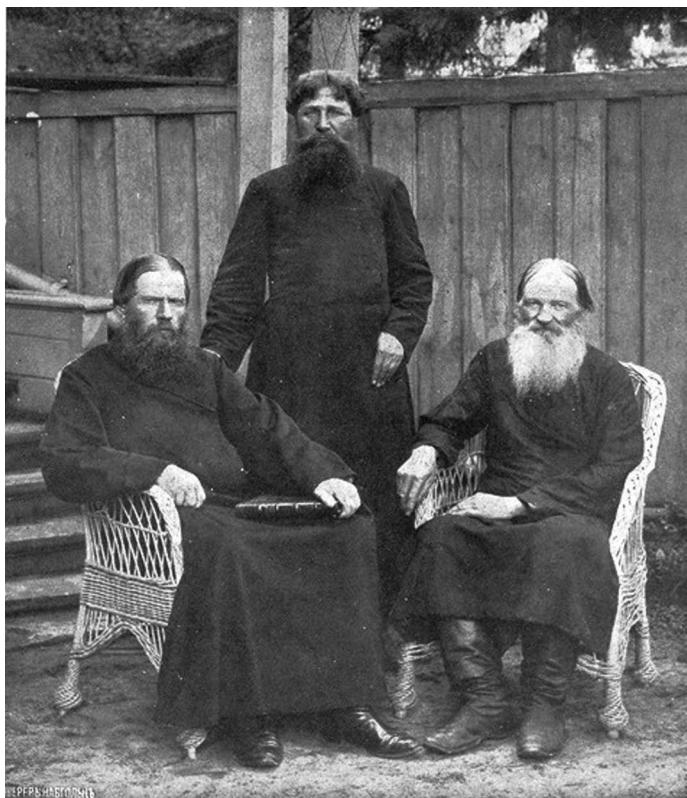
В целом можно отметить, что старообрядческая литература седьмого периода изучена наиболее слабо. Быть может, отсутствие внимания к данному периоду со стороны историков связано с тем, что старообрядчество в это время почти полностью отошло от форм социального протеста. Деятельность старообрядцев была направлена в основном на решение внутренних проблем: взаимоотношения между согласиями, отношение к официальной церкви, догматические споры и т. п. «Однако даже беглый обзор старообрядческой книжности того времени показывает, что рукописная традиция не только сохранила большинство старых жанров и памятников, но и обогатилась новыми, весьма интересными. Староверие выдвинуло из своих рядов замечательных писателей, историков, библиографов»¹⁴.

Среди самых известных имен этого периода — Дионисий Васильевич Батов (1825–1910), Андрей Александрович Надеждин (1836–1909), Иван Иванович Зыков (1837–1913), Лев Феоктистович Пичугин (1859–1912), Терентий Акимович Худошин (1858–1927), Иларион Кабанов (Ксенос) (1819–1882), Онисим Швецов (епископ Арсений Уральский; 1840–1908), Иван Усов (епископ Иннокентий Нижегородский; 1870–1942), Владимир Михайлович Карлович (ум. 1912), Прокопий Максимович Безводин, Владимир Макаров и другие.

В этот период широко развернулась полемика между представителями поморского (беспоповского) и белокриницкого (поповского) согласий по поводу каноничности белокриницкой иерархии. Вместе с тем вторую половину XIX — начало XX века можно считать временем самоутверждения старообрядцев основных согласий как единственных носителей старины. Именно поэтому появилось большое количество всевозможных «Родословий», в которых авторы стремились показать преемственность духовного родства для того или иного толка от первых старообрядческих учителей. Примером таких исторических сочинений могут считаться «Родословие часовенного согласия» инок Нифонта

Д. В. Батов

Л. Ф. Пичугин, Т. А. Худошин, И. И. Зыков.
Москва, 1909 год

(конец XIX века), «Родословие поморской веры на Урале и в Сибири» (1860-е годы), «Родословие филипповского согласия» (конец XIX века), «Родословие часовенных Зауралья» черноризца Валентина (1870-е годы, дополнено в 1910-х годах), «Исторические очерки уральского старообрядства» А. Т. Кузнецова (опубликовано в 1915 году, но было также и в рукописных списках) и т. п.

Восьмой период (1906–1918) — «золотой век» старообрядчества — хотя длился и недолго, но оставил большое количество памятников книжности, созданных в разных регионах. На этот период пришелся расцвет творчества таких писателей, как Василий Захарович Яксанов (1868–1935), Трофим Сергеевич Тулупов (1879–1938), Федор Ефимович Мельников (1874–1960), епископ Михаил Канадский (Семенов; 1874–1916), Яков Алексеевич Богатенко (1875–1941), Иван Акимович Кириллов, Иосиф Климентович Перетрухин, Дмитрий Сергеевич Варакин, Самсон Иванович Быстров, Василий Гаврилович Сенатов и другие. Одновременно продолжали свою писательскую деятельность и многие представители предшествующего периода.

В «золотой век» широко развернулась издательская деятельность в различных

старообрядческих согласиях. В 1905 году староверы впервые в истории получили возможность легального книгоиздания. Данный период характеризовался расширением географии типографий внутри страны (Балахна, Нижний Новгород, Саратов, Старая Тушка, Уральск и другие), повышением профессионализма печатников, увеличением размеров самих типографий, внедрением в производство новейшей техники и самостоятельной ее модернизацией. Некоторые старообрядческие издания этого периода, без сомнения, можно отнести к вершинам полиграфического искусства своего времени. Широко был развернут выпуск периодики, отражавшей не только нравственно-религиозные, но и социально-политические воззрения старообрядцев («Старообрядческая мысль», «Старообрядческий вестник», «Старообрядческий пастырь», «Старообрядческий поморский журнал», «Щит веры», «Старообрядец», «Церковь», «Голос Церкви», «Старообрядцы», «Слово Церкви», «Вестник Всероссийского Союза христиан поморского согласия», «Уральский старообрядец» и другие). Количество подобного рода изданий с 1905 по 1918 год по предварительным подсчетам составляет более двадцати.

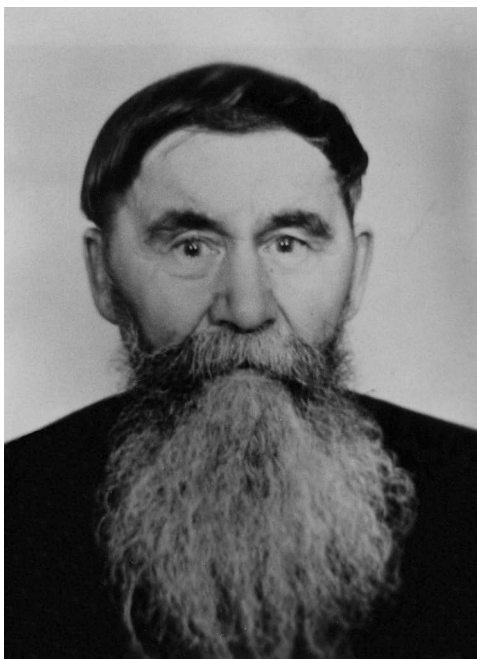
Девятый период (1919–1955) явился тяжелейшим временем «тотального наступления государства на “духовное мракобесие”» (как определяли старообрядчество официальные идеологи), следствием чего стало почти полное прекращение книжной деятельности старообрядцев. Этот период практически до сих пор является «белым пятном» для исследователей. «В первые годы советской власти, в условиях жестокого давления государства на старообрядцев, книжно-рукописная традиция продолжалась благодаря усилиям наиболее стойких “ревнителей старины”. В 1920–1940-е гг. писатели-староверы создали ряд произведений исторического характера, которые с полным правом можно назвать “жемчужинами” старообрядческой книжности. Среди имен авторов того времени следует отметить о. Симеона (С. Я. Лаптев, наставник часовенных Дубческих скитов в Сибири), П. А. Мельнова (поморец из Златоуста). Перу о. Симеона принадлежит не менее девяти самостоятельных произведений, среди которых, например, любопытное эсхатологическое сочинение “Краткая памятная запись нынешних событий и о судьбе древнего Рима”. Как и самые известные политики XX в., о. Симеон считал Первую мировую

войну катализатором революции, но в отличие от взглядов коммунистов — с отрицательным знаком. По мнению о. Симеона, после революции в мире отчетливо проявились единая воля и сила, то есть признаки власти Антихриста. Петр Александрович Мельнов... в 1944 г. написал “Историю старья веры в Златоусте и округе” с приложением “Истории выдающихся лиц, или Каталога”. Продолжая традиции П. Л. Любопытного, Мельнов создал галерею из 15 портретов златоустовских наставников-поморцев. В этом произведении поражает та обыденность, с которой автор описывает тяжелые годы репрессий... Создавали в те годы старообрядцы сочинения полемического характера. Например, составленный анонимным автором-бегуном в 1923 г. грандиозный сборник “Изумруд”, который по замыслу писателя должен был со всей очевидностью обличить “никониан, единоверцев, австрийцев, беглопоповцев, поморцев, нетовцев, часовенных и других”¹⁵.

Наконец, **десятый** период (с 1956 года до наших дней) характеризуется медленным восстановлением разрушенных традиций и появлением новой волны писателей-старообрядцев. Экспедиции археографов московского, новосибирского, екатеринбургского

и других центров позволили собрать в крупнейших книгохранилищах страны десятки произведений старообрядческих авторов второй половины XX века, которые, к сожалению, известны лишь небольшому кругу специалистов. Среди этих авторов, практически наших современников, такие имена, как Н. Ф. Иванов (Сибирь, Амур), А. К. Килин (Кубань), А. Г. Мурачев (Сибирь, Алтай), Иродион Уральский (Нижний Тагил), И. А. Благинин (Курганская область), П. И. Санников (Челябинская область, Златоуст), Ф. И. Аникин (Екатеринбург), М. В. Нечеухин (Екатеринбург), Г. Ф. Логинов (Челябинская область), С. А. Носов (Печора), К. И. Кунич (Молдова), И. С. Рассыхаев (Республика Коми), И. С. Карпов и А. А. Замалеев (Архангельская область) и другие.

«Удивительно, — пишет исследователь, — что эти люди, не только не получившие специального образования, но зачастую не имевшие возможности даже закончить школу, в силу природных талантов, раскрываются как глубокие мыслители, философы, историки. Их произведения, хотя и несут отпечаток современной жизни, созданы по канонам литературы XVII–XIX вв. Спектр интересов старообрядческих писателей до-

С. А. Носов

статочно широк: здесь и эсхатологические труды, сочинения по истории раскола и отдельных согласий, полемические и нравоучительные произведения, поэтические описания и т. п.»¹⁶.

Но, конечно же, особый интерес в XX столетии, поставившем человечество на грань уничтожения, вызывала эсхатологическая тема. Здесь продолжалась идущая еще с XVII века полемика о том, как нужно понимать грядущего антихриста — чувственно (как конкретную личность, воплощающую в себе все зло мира) или духовно (то есть как массовое отступление от христианских принципов в жизни и нравственности). С 1950-х годов известны эсхатологические сочинения Афанасия Григорьевича Мурачева, явившегося продолжателем идей о. Симеона. А в 1970–1980-х годах живущий в Нижнем Тагиле старообрядческий писатель, подписывающий свои сочинения именем Иродиона Уральского, создал ряд работ, в которых критиковал коммунистические заблуждения человечества, предсказывал их скорое забвение. Затрагивал Иродион Уральский и вопросы о Третьей мировой войне (которая, по его мнению, должна была начаться в 1991 году), о повальной компьютеризации, о распро-

странении кредитных карточек, о заговоре международного банка и т. п.

Оппонентом А. Г. Мурачева и Иродиона выступил Ананий Клеонович Килин, долгое время живший на Урале, а ныне живущий на Кубани. Для обоснования своих идей А. К. Килин использует широкий круг источников — от книг Священного Писания до публикаций в издаваемом в Орегоне (США) журнале «Путь спасения», при этом, как отмечает исследователь, «старообрядческий писатель мастерски владеет разными полемическими жанрами — послание, диалог-беседа, философско-богословские сочинения и т. п.»¹⁷.

Сложным проблемам эсхатологии посвящены произведения старообрядцев Г. Ф. Логинова («Изъяснение о временах жизни людей на земли и о воцарении Антихриста», «Изложение о открытии семи печатей агнецем», «Изложение о разделении церковном, единой церкви старообрядческих поморцев... и о воцарении Антихриста в церкви»), А. М. Каргаполова («О последних днях мира», «Вопросы и ответы вкратце»). Деятельность двух этих старообрядческих наставников приходилась на 1970–1980-е годы. Помимо упомянутых сочинений А. М. Каргаполов оставил немало работ, написанных в жанре

поучения, — «Беседа о патриархе Аврааме», «Нравоучительная беседа о поведении во время поста», «О поведении по дороге в моленный дом», «О поведении в моленной» и другие. Перу Г. Ф. Логинова принадлежит также ряд сочинений по истории поморского согласия в городе Кургане с 1955 по 1970-е годы, «О разделе церковном старообрядцев-поповцев». Им же написано несколько критических рецензий на прочитанную атеистическую литературу: «Опровержение на книги З. Косидовского “Сказания евангелистов” и Воропаевой К. Л. “Жил ли Христос?”», «Отзыв на книгу Е. М. Ярославского “Библия для верующих и неверующих”».

Из других исторических работ старообрядцев второй половины XX века можно выделить составленную в конце 1950 — начале 1960-х годов поморским наставником из села Таватуй (Свердловской области) П. И. Санниковым «Краткую историю о христианской вере», которая охватывает период от первых лет христианства до Первой мировой войны. М. А. Басалаев (филипповец из Пиляндыша, Кировская область) не только переписал «Родословие филипповского согласия», но и создал свою «Историю» — сочинение «О вере в Шурминских пределах».

Своеобразно и в то же время глубоко традиционно творчество выдающегося печорского старообрядческого писателя Стефана Анфиногеновича Носова (1902–1981). Он создал цикл из 19 видений, сопроводив их 12 «пояснениями»-комментариями, в качестве предисловия к ним поместил автобиографические записки; написал воспоминания о своем деде Луке Васильевиче Носове, в которых содержится интереснейшая информация о быте и промыслах печорских крестьян; записал бытовавшие на Печоре пророчества некоего А. П. Ханзина, предсказавшего Первую мировую войну, революцию и Вторую мировую войну; составил, написал и переплел 22 рукописных сборника текстов религиозного содержания. Кроме того, сохранилась обширная переписка С. А. Носова: 109 писем к печорскому старообрядцу Е. И. Осташову, два — к основателю древлехранилища ИРЛИ (Пушкинский дом), доктору филологических наук В. И. Малышеву, пять — к доктору филологических наук из Сыктывкара А. Н. Власову.

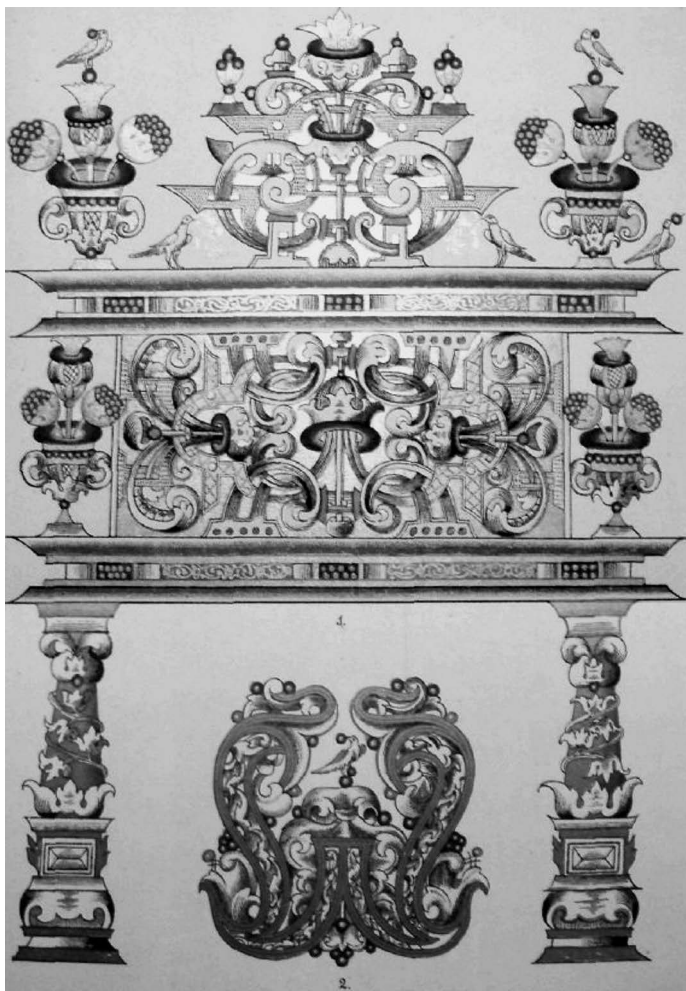
Известны также стихотворные произведения старообрядцев второй половины XX века — М. В. Нечеухина, И. А. Благинина, Ф. И. Аникина и других.

Глава 3

Традиции книгописания и книгопечатания в старообрядчестве

Говоря о старообрядческой книжности, нельзя не сказать и об искусстве оформления книг, о таком уникальном явлении, как старообрядческое книгописание. Именно старообрядцам принадлежит честь сохранения книгописания наряду со многими другими древнерусскими традициями. Особую роль здесь сыграли старообрядческие духовные центры, прежде всего знаменитая на всю Россию Выговская поморская пустынь.

Созданный здесь так называемый поморский стиль складывался постепенно. На раннем этапе развития выголексинской книжности большое влияние на оформление рукописных книг оказывала эстетика дониконовской печатной книги, особенно издания Московского печатного двора. Конец 10-х — начало 20-х годов XVIII века — время становления собственной писцовой школы и орнаментики характерного поморского

Поморский орнамент

стиля, а примерно к концу XVIII века утверждается своего рода «канон» в оформлении поморских книг. Этот канон становится образцом для всех общин поморского согласия, распространяясь на весь Север, Вятку, Урал и в Сибирь. Особенностью его является сложившаяся в течение XVIII века в поморском согласии манера письма — так называемый поморский полуустав и особая четкая манера написания крюков и «солей» (помет, обозначающих высоту звука) в певческих рукописях, а также возникший на основе роскошного московского барокко второй половины XVII века тип украшений с его цветовым решением.

Поморский орнамент отличается особой изящностью проработки. При раскраске использовались благородный зеленый и малиновый тона с чередованием золота. Черные контуры рисунка подчеркивают его стилистическую основу — книжную гравюру. Титульный лист, как правило, украшался барочной заставкой-рамкой, иногда занимавшей целый книжный разворот. Внутри заставки вязью или характерным для поморских рукописей орнаментированным полууставом сообщалось название певческого сборника, иногда помещались миниатюры. В оформле-

«Поморские ответы». Буквица

нии заставок и титульных листов преобладал крупный лиственный барочный узор из завитков, вазонов, виноградных лоз. Справа от заставки-рамки нередко помещалось изображение цветка («финика»), иногда стебель цветка, растянутый во всю длину листа, изящно удерживала рука. На вершинах рамки и цветка изображались птицы («соколики») с ягодами в клювах. Начало каждого нового раздела рукописи отмечалось менее сложной в художественном изображении заставкой и киноварным инициалом (заглавной буквой), украшенным фантастическими переплетениями свободных штрихов с цветами и листьями. В таком виде поморский орнамент дошел и до наших дней. Этот декор дополнялся также акварельными, тонко выполненными в пастельных тонах миниатюрами с портретами духовных отцов Выговской обители — Андрея Дионисьевича, Симеона Дионисьевича, Ивана Филиппова.

В поповских согласиях в XIX–XX веках весьма распространенным книжным стилем становится так называемый «гуслицкий». Он сложился в Гуслицкой волости Богородского уезда еще в конце XVIII века. К 1860-м годам письмо певчих крюковых книг стало сосредотачиваться в некоторых гуслицких

Книга «Праздники». Поморское письмо

Книга «Обиход». Гуслицкое письмо

селениях: Беливо, Понарино, Мисцево, Петрушино, Запольцо и Завольной. В Беливе писанием (прежде всего певческих книг) занимались инок Илия, который всех превзошел в правильности напевов, Ларион Шитиков, Иван Иванович Шитиков, Карташев и Кабанов. В 80-х годах здесь работали мастера Федор Григорьевич и Матвей Григорьевич Батулины, которым принадлежат лучшие по исполнению образцы. Известно, что жили они в большой бедности и рано скончались (ок. 1893 года). Федор Батулин писал оригиналы для литографического шеститомного издания полного круга церковного пения, изданного А. И. Морозовым. Здесь работали артели, выпускавшие в несколько рук в течение одного года не менее 100 экземпляров в год.

В отличие от детализированного поморского, гуслицкий орнамент использует более свободные конструкции широколистных трав, которыми с помощью тонкой штриховки придавалась объемность в извивах. Выполнялся он яркими многоцветными красками с обилием золота. Что касается почерка гуслицких рукописей, то от поморского полуустава он отличается некоторой вытянутостью, наклоном букв и большей их

толщиной. «У инициалов нет длинных орнаментальных веток-отростков, а лишь один пышный стебель-цветок вьюна, расположенный рядом с инициалом. Внутренняя часть букв, объемных и широких, декорирована золотыми и цветными завитками орнамента. Самая заметная особенность, характеризующая гуслицкий орнамент — цветная штриховка, употреблявшаяся художниками для моделировки объемов или при раскраске элементов украшений. В заставках, инициалах и книжной миниатюре гуслицкой школы часто применялись яркие синий и голубой цвета. Таких сияющих синих красок в сочетании с обильным золочением нет ни в одной из старообрядческих рукописных школ»¹⁸.

Обычно заставка-рамка «гуслицкого письма» занимала титульный лист полностью. Цветок же помещался на обороте справа или слева от текста первого песнопения, который начинался огромным, в половину листа, а то и в лист орнаментированным инициалом. Разделы книг обозначались заставками из вьющихся широких листьев. Тексты писались круглым, слегка вытянутым полууставом с четким разделением на слоги. Книги заключались в пышные переплеты из

тончайшего сафьяна с золотым тиснением. Обрезы покрывались золотом и чеканным узором.

Эти типы книжного оформления послужили образцом для писцов местных центров. На местах рядовые старообрядцы, не имея возможности их купить, копировали тот или иной стиль, создавая при этом в более огрубленном виде свои списки. Так, федосеевцы со временем выработали свой, более упрощенный по сравнению с поморским, стиль оформления книг. Во второй половине XIX — начале XX века появляются замечательные образцы орнаментики и иллюстрирования. Там же, где традиция замирала, особенно в поповских согласиях из крестьянской среды, художественное оформление низводилось до уровня примитива.

После создания рукописи и сверки текста книга переплеталась по-старому: корки переплета почти всегда ставились деревянные и обтягивались телячьей кожей, иногда бархатом или сукном, застежки выполнялись из металла. Переплеты книг украшались орнаментом, сделанным при помощи тиснения горячим способом, при котором иногда применяли листовое «золото» (бронза и поталь) и серебро.

Книга «Поморские ответы». XVIII век

Старообрядцы старались придерживаться эстетики дониконовской печатной книги не только при оформлении рукописных книг, но и печатных, которые им время от времени удавалось издавать в подпольных или заграничных типографиях на протяжении XVIII–XIX веков. Абсолютная монополия государства на книгопечатание не позволяла старообрядцам издавать литературу, отвечавшую их духовным запросам, в России. Это привело к тому, что на протяжении полувека, начиная с никоновских реформ, старообрядчество вынуждено было обходиться дореформенными изданиями, дополняя их сочинениями, переписанными от руки. Поражающие воображение современного читателя рукописные мастерские Выголексинского общезиждества во многом были вызваны элементарной нуждой. Однако сокращение фонда дониконовских изданий в связи с износом в процессе обращения, а также целенаправленной политикой правительства по их изъятию и уничтожению, трудоемкость воспроизводства книг путем переписки заставили ревнителей старины искать пути к печатному способу изготовления книг.

Со временем, укрепившись в Литве и Польше, старообрядцы завели там свои собст-

венные типографии, и здесь старые книги перепечатывались и тайно, и явно, и даже с разрешения «его крулевского величества» — перепечатывались не просто слово в слово с дониконовских, но и перенос в перенос. Первые положительные результаты в деятельности старообрядцев на поприще книгоиздания относятся к самому началу XVIII века. После публикации нескольких изданий (прежде всего самые «ходовые» богослужебные книги — Часовник и Псалтырь), количество которых едва превысило десятков за тридцать с лишним лет, выпуск их прервался. Новая волна книгопечатания начинается с конца 60-х годов XVIII века. В это время складываются основные центры старообрядческого книгопечатания за границей — Могилев, Вильно, Супрасль, Почаев, Гродно, Варшава. «За срок не многим более 10 лет, к середине 80-х годов, в процесс книгоиздания были включены практически все типографии, работавшие в XVIII веке на старообрядческий рынок. В последней четверти XVIII века старообрядческое книгопечатание приобрело широкие масштабы, количество изданий, выпускаемых каждой типографией, исчислялось десятками»¹⁹.

Наконец, после указа императрицы Екатерины II от 1 февраля 1783 года, позволявшего частным лицам иметь «вольные типографии», появляются первые старообрядческие типографии и в России. В посаде Клинцы Черниговской губернии купцами-поповцами Василием Яковлевичем Железниковым, Дмитрием Степановичем Рукавишниковым, Федором Карташевым были открыты старообрядческие книгопечатни, печатавшие богослужебные книги с подлинников дониконовского издания. В целом, благодаря деятельности Ф. К. и А. Ф. Карташевых, было выпущено в свет более 110 изданий старообрядческих книг, а в типографии Рукавишникова и Железниковых напечатано около 40 изданий. Кроме перепечаток дораскольных книг у Карташева делались еще «венчики» и разрешительные молитвы, возлагаемые на умерших. В 1797 году император Павел I отменил разрешение Екатерины, и старообрядческие типографии прекратили свою деятельность. Однако у Карташева в Клинцах хранилось все печатное оборудование вместе с недопечатанными книгами. Два года спустя малороссийский военный губернатор Миклашевский возбудил по этому факту

против содержателей типографий уголовное дело, которое длилось до 1823 года. Станки и оборудование у Карташева отобрали, а в 1801 году император Александр I после ходатайства единоверцев о печатании для них книг с подлинных дораскольных образцов повелел: «Типографии в посаде Клинцах быть по-прежнему, но с тем, чтобы напечатание оных книг производилось с ведома и дозволения правительствующего Синода, и для того назначить Синоду способных надзирателей и поднести о сем доклад». В дальнейшем клинцовская типография Карташевых была увезена в Москву и передана единоверцам.

Если в XVIII — начале XIX века владельцами и арендаторами старообрядческих типографий, а также заказчиками книг являлись купцы, то во второй половине XIX — начале XX века это были в основном крестьяне и мещане. Как правило, они располагали мелкими типографиями с одним или двумя печатными станками, которые в прямом смысле слова находились в хорошо замаскированных подпольях. Зачастую полиции удавалось обнаружить их только в результате доноса. Быстро сформировалась и сеть распространителей

книжной продукции. Важную роль в этой системе играли переплетчики. Они брали у печатников книги не только для переплета, но и значительные их партии для реализации. Часто книги издавали небольшими тиражами не на абстрактный рынок, а на конкретный заказ. Заявки шли в центр России из самых разных отдаленных районов страны.

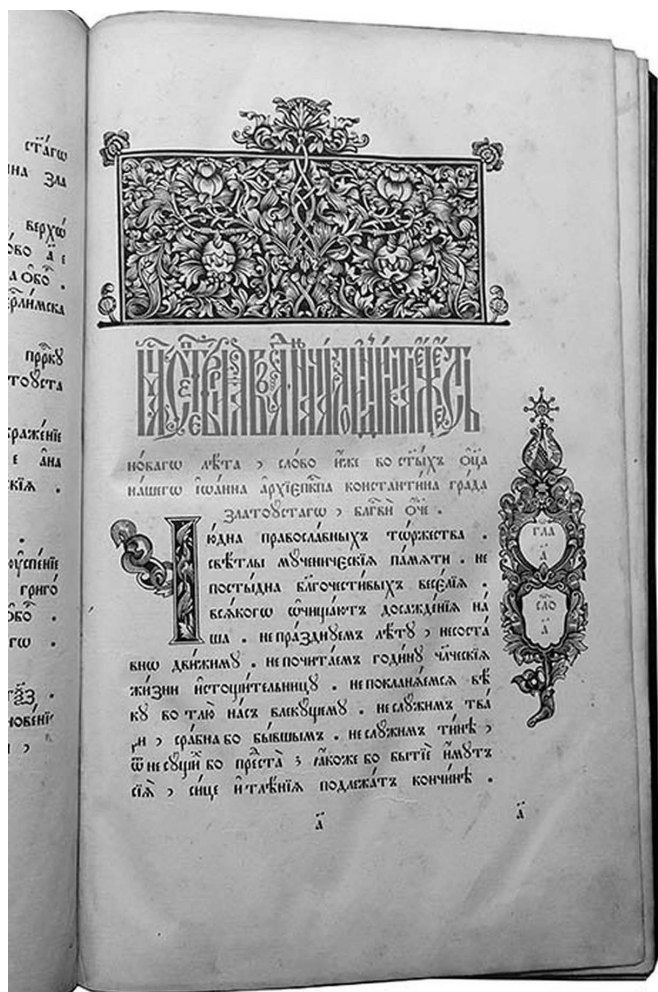
Вместе с тем старообрядцы активно осваивали новые формы книгоиздательства. В последней четверти XIX века среди старообрядцев получило широкое распространение производство книг гектографическим способом, на стеклографе и другими способами тиражирования. Создание типографий, гектографических мастерских, литографий нельзя считать абсолютно самостоятельным делом их владельцев. Все участники этого процесса были связаны между собой, а некоторые организаторы типографий, возможно, получали и материальную помощь. Отличительной особенностью печатной продукции этого периода стало появление оригинальных авторских сочинений в жанре исторического исследования, о направленности которых говорят их названия: «Историческое исследование, служащее к оправданию ста-

рообрядцев» (в трех томах) В. М. Карловича, «Истинность старообрядствующей иерархии противу возводимых на нее обвинений» А. В. Швецова и другие. Многие из этих сочинений, в отличие от подавляющей массы книжной продукции старообрядцев, печатались гражданским шрифтом.

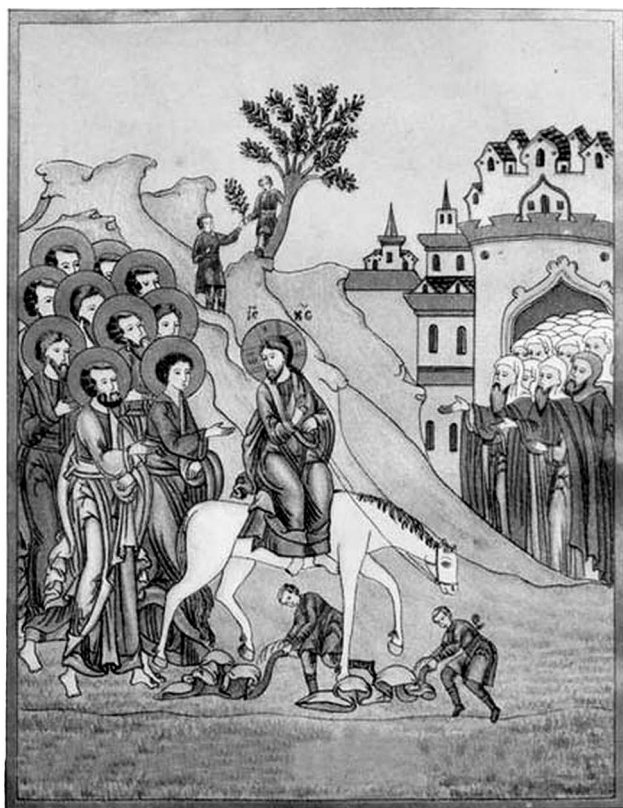
Возможность легального книгоиздания старообрядцы получили только в 1905 году. С этого времени расширяется сеть типографий внутри страны (Балахна, Нижний Новгород, Саратов, Старая Тушка, Уральск и др.), повышается профессиональный уровень печатников, увеличиваются размеры самих типографий, внедряется в производство новейшая техника, производится ее самостоятельная модернизация. Некоторые старообрядческие издания этого периода относятся к вершинам полиграфического искусства своего времени. Широко разворачивается выпуск периодики, отражавшей не только нравственно-религиозные, но и социально-политические взгляды старообрядцев (как уже указывалось выше, количество подобного рода изданий с 1905 по 1918 год по предварительным подсчетам составляет около 20).

Так, в 1907 году Г. К. Горбуновым была создана знаменитая типография Преображенского кладбища в Москве, центра федосеевского согласия. Уже в первый год своего существования типография выпустила в свет более десятка изданий. Изначально при ней существовала своя переплетная мастерская. За время существования типографии (до 1917 года включительно) с ее станков сошло свыше 80 названий книг. Репертуар изданий был очень широк. Наряду с традиционной богослужебной литературой печатались крюковые книги (Обиход, Ирмосы, Октай), лицевые (среди них такие шедевры полиграфического искусства, как «Апокалипсис трехтолковый», «Григорьево видение», «Прение живота со смертью»). С подлинного оригинала 1723 года были изданы «Поморские ответы» с фототипическим воспроизведением автографов выгорецких пустынножителей.

В 1908 году получил разрешение на заведение типографии в селе Старая Тушка (Вятка) Л. А. Гребнев, который известен не только как издатель, но и как иконописец, гравер, переплетчик и оформитель рукописных книг, сочинитель духовных стихов, автор некоторых изданных им книг, учитель древ-

Книга Торжественник.
Типография Горбунова. 1911 год

Врѣдъ гдѣ во іерлѣмъ нѣжрѣѣти нѣвоинѣ стѣтъ

Миниатюра из печатного издания
Страстей Христовых.
Типография Горбунова, начало XX века

него крюкового пения. Компаньонами Гребнева в учреждении новой типографии были братья В. Т. и Е. Т. Семеновы, жившие в Казани. В начале 20-х годов XX века Гребнев составил альбом орнаментики для Новотушкинского музея. Этот альбом включает в себя оттиски клише орнаментики, сохранившихся после конфискации в 1918 году. Из подписей, сделанных Гребневым, следует, что его типографские материалы комплектовались путем покупки «из прежде существовавших типографий», заказов в граверной мастерской Н. А. Ермолова в Москве, причем рисунки предоставлялись самим Гребневым, у Я. Ксерлинга в Казани. Много орнаментального материала изготовлялось прямо в типографии. Эту работу выполняли Гребнев и Е. Т. Семеновых. Семеновых делал клише способом травления на цинке. Сам Гребнев изготовлял клише на дереве и на меди. Гребнев печатал малоформатные издания (в 16–4 долю листа). Его первые попытки печатания больших книг были пресечены закрытием типографии в октябре 1918 года.

Свою типографию организовали и поморцы. Она находилась в Саратове. Вопрос о необходимости создания собственной типографии у старообрядцев поморского брач-

ного согласия впервые прозвучал на первом Всероссийском соборе в мае 1909 года. Еще более остро он был поставлен на первом Всероссийском съезде старообрядческих учителей и учительниц, проходившем летом 1911 года в Двинске. Наряду с изданием книг, съезд признал необходимым выпуск собственного журнала и одобрил предложение саратовцев и двинцев издавать периодику. Саратовские поморцы незамедлительно приступили к исполнению решений съезда. В 1912 году на базе типографии товарищества «Энергия» начал печататься журнал «Щит веры». Первым редактором, а с 1913 года и издателем стал В. З. Яксанов. В том же году при редакции журнала был открыт книжный и писчебумажный магазин «Сотрудник школы». Как отмечалось в рекламе, «при магазине имеется старообрядческая типография и переплетная мастерская». Все это объединение по производству и распространению книг стало называться «Книгоиздательство В. З. Яксанова». Главным каналом распространения старообрядческой литературы, подготовленной к публикации книгоиздательством Яксанова, был журнал «Щит веры». Некоторые книги, как, например, трехтоловый Апокалипсис, «История

Выговской пустыни» Ивана Филиппова и др., печатались прямо в журнале. Кроме того, практиковались платные абонементы к журналу, по которым можно было купить книги, и бесплатные приложения к абонементам. В 1915 году деятельность журнала и, видимо, всего книгоиздательства была прервана в связи с трудностями военного времени. Но уже в 1916 году оно возобновило выпуск продукции. Однако этот год стал последним для «Щита веры». Вместо него в 1917 году В. З. Яксанов стал издавать журнал «Старообрядчество и кооперация».

В. З. Яксановым было составлено три сборника духовных стихов. Первый из них вышел еще, видимо, в 1911 году, второй в 1912 году, в нем в приложении даны некоторые стихи, сопровождаемые крюковой нотацией, третий сборник был издан в 1914 году. Он содержал 30 стихов, все с крюковой нотацией, и имел иллюстрации. В 1912 году Яксанов совместно с одним из авторитетнейших деятелей поморского старообрядчества Т. А. Худошиным подготовил и издал «Учебное пособие по Закону Божию для детей христиан-старообрядцев» в трех частях. В том же году был напечатан Устав церковный с цветными гравюрами, выполненными в литографии Немирова. Из-

дательством были выпущены Кормчая трех-
толковая и Библия, «Исторический словарь»
Павла Любопытного и «История Выговской
пустыни» Ивана Филиппова, «Азбука веры»
Дионисия Батова под редакцией Яксанова
и многое другое. Во время Первой мировой
войны издательством выпускались книги для
старообрядцев-военных. Так, в 1916 году
вышли из печати: «Спутник воина-христиани-
на» и «Походная книга для солдат и офице-
ров-старообрядцев». Издательство выпуска-
ло книги, напечатанные как кириллическим,
так и гражданским шрифтом.

В 1908 году была создана типография
старообрядцами беглопоповского согласия,
получившая название «Московская старооб-
рядческая книгопечатня». Судя по продукции
типографии, ее качеству, оформлению, она
располагала своей литографией, копиро-
вальными машинами. Там трудились хорошие
мастера. Неслучайно уже в 1910 году печатня
была награждена большой серебряной ме-
далью на выставке в Екатеринославе «за изя-
щество и стильность изданий при недорогой
цене». При типографии был организован хор,
и всех ее сотрудников бесплатно обучали
крюковому пению. 1 марта 1911 года откры-
ли собственную переплетную мастерскую.

С августа 1910 года в типографии издавался ежемесячный журнал «Златоструй», редактором которого был сначала И. Н. Красильников, с 1911 года — крестьянин Юрьевского уезда Федор Андреевич Лебедев, а с конца 1912 года — мещанин города Коврова Петр Тимофеевич Евстегнеев. Деятельность старообрядческой книгопечатни продолжалась до Октябрьской революции. Репертуар ее изданий был очень широк и разнообразен: от полного круга богослужебной литературы, в том числе огромного количества отдельных канонов святым и мученикам, до перепечатки памятников древнерусской литературы с рукописей, хранящихся в различных библиотеках. Многие издания типографии богато украшены многокрасочными литографиями. Среди наиболее значительных изданий следует отметить переиздание Острожской Библии со 105 иллюстрациями из древних рукописей, Апокалипсис и Псалтырь, тоже лицевые.

Наиболее широкую сеть типографий после 1905 года создали старообрядцы белокрыницкой иерархии. Уже в 1905 году ими было подано прошение на заведение собственной типографии в городе Уральске. Ее создание происходило при содействии, а мо-

жет быть и по инициативе, епископа Ураль-ского и Оренбургского Арсения (А. В. Шве-цов), идеолога возрождения книгопечатания у поповцев во второй половине XIX века. Типография начинала свою работу всего на двух ручных станках. Ко времени смерти Арсения (1908) она стала одним из крупнейших старообрядческих заведений подобного рода. К началу 1909 года она имела сложную производственную структуру, существовали самостоятельные отделения: наборное, машинное, корректурное, переплетное, штамповальное и стереотипное. Там же, в типографии, отливались и оригинальные изящные уральские шрифты, характерные для изданий только этой типографии. В типографии, наряду с церковнославянским, печатали литературу и гражданским шрифтом. Общее количество изданий, выпущенных за время работы типографии, определить сложно, но для характеристики масштабов ее деятельности укажем, что только за половину 1909 года в ней было напечатано 15 книг, не считая отдельных канонов.

В 1907 году в Москве была открыта типография крупного промышленника, почетного попечителя Рогожского кладбища П. П. Рябушинского. К 1913 году типография являлась

одним из крупнейших издательских заведений. Ее оборудование состояло из 2 ротационных машин, 6 типографских паровых станков, 4 типографских ручных станков, 3 американок, 10 наборных машин, 6 стереотипных аппаратов, 2 литографических камней, 1 комплекта форм для литья литер, 53 комплектов матриц, 1676 пудов 33 фунтов шрифта. Старообрядческие издания печатались в типографии как кириллическим, так и гражданским шрифтом. Несмотря на то что Рябушинский принадлежал к старообрядцам белокриницкой иерархии, в своей типографии он печатал на заказ книги и для других согласий. Так, например, в 1910 году в его типографии была издана книга «О правдивой единости» Захарии Копыстенского по заказу поморцев, у которых к этому времени еще не было своей типографии.

Не позднее 1908 года в Киеве было создано издательство «Знаменное пение» для публикации певческих книг и учебных пособий. Руководил издательством крупный теоретик крюкового пения, педагог Л. Ф. Калашников. С 1902 года издательство выпускало журнал «Церковное пение» (в 1910 году как приложение к журналу «Старообрядческая мысль»). В качестве приложения

подписчикам журнала высылались крюковые книги.

Однако этот период свободного книгоиздательства был недолгим. Новое правительство, начавшее разрушение до основания старого мира, естественно, не могло позволить существование таких «рассадников мракобесия», как старообрядческие типографии. В 1918 году началось их закрытие. Многие печатники разделили трагическую судьбу своего поколения, оказавшись в изгнании или в лагерных застенках. В связи с этим снова появилась потребность в возрождении старообрядческой рукописной традиции.

Глава 4

Книжная миниатюра и лубок

Старообрядческая книжная миниатюра исследована еще недостаточно. Иллюстрированных («лицевых») старообрядческих рукописей во всем мире сохранились единицы. Можно выделить несколько центров, где создавались подобные лицевые рукописи. Это, прежде всего, Выговское общежительство, Великопоженский скит, Северная Двина, Ветка, Гуслицы.

Излюбленной книгой для иллюстрирования выговскими мастерами был Апокалипсис, повествующий о видениях Иоанна Богослова на острове Патмос. Особый интерес представляет так называемый Хлудовский Апокалипсис — рукописный Толковый Апокалипсис, созданный на Выге в 1708 году и являющийся уникальным образцом роскошной ранней поморской рукописи. «Миниатюры этого Апокалипсиса отличаются прекрасным тонким рисунком, стройными

Апокалипсис

БѢДѢНІЕ КНѢМѢ В. Ѹ: ГЛА НОУРЕДѢ:

Зми свѣтлѣннѣ златѣ оуаче

НАГО ВХОДИ. СЪЩЕЕ : ГЛА В

БѢХЪ КДѢКЪ КДѢИ НЛННН НІЛЫ

ШАХЪ ЗАКОНОЮ ГЛА КЕЛІН ПРЪ

БѢ ГЛ҃ЮЩА, А́ЗЪ Ё́МЬ А́ЛФА

і́в, не́ркїи і́лослѣдїи, і́аже

КІДНШІ НАПНШІ ВІАНГІ И

и посли прѣвѣмъ ѿже ѿпѣ во а

сѣнъ коѣфе ѿвѣзмѣръ, ѿвѣргамъ.

и кѣїагирь и кѣсардію и кѣддѣлфїю

Івладикію . Го . Великій Ірнін

ШАЗЪЕПЪ, ИЯУЕ ГЛЕПЪ КДНЬ НАНЬ

КЛЮЧЕВО ПРОВОДЪ КАНЬ ГНЬ ЕГО

ЯКЕ ИЗБРАНА АЦИ, ИЗЗАКОННА

ΠΡΟΪΣΤΗΝΕΑ ΚΟΝΙ ΜΟΚΕΙΝ ΕΙΝΩ

ИПРИЧАШАШУА ПЕГЪХЪ ПЪЙНЪ

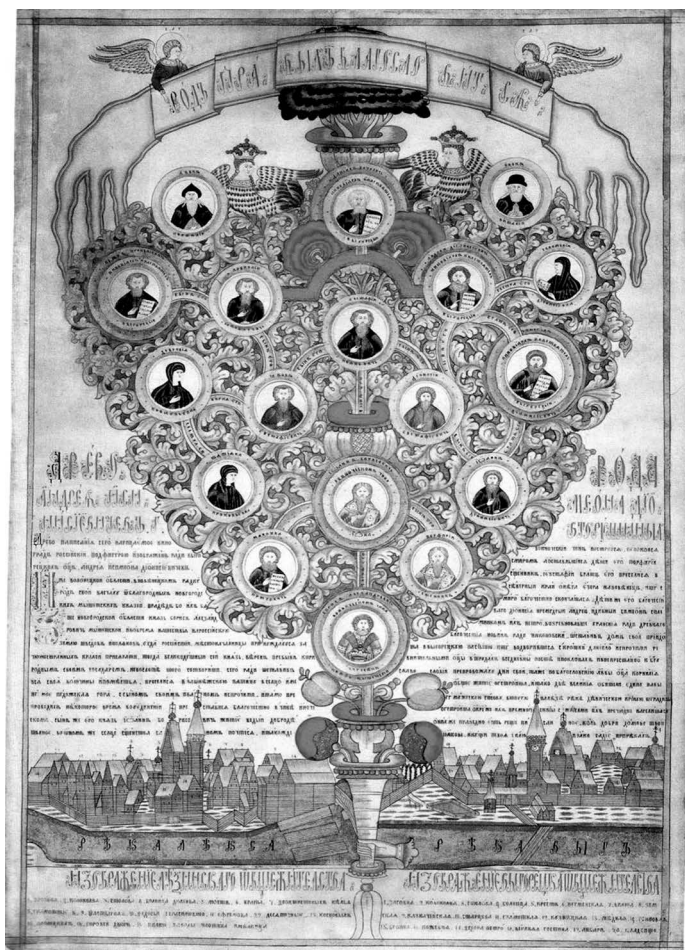
пропорциональными фигурами, сложными, но гармонично построенными композициями. Одежды, облака, “горки” расцвечены насыщенной, но не плотной темперой, с богатыми градациями оттенков. Колорит многоцветный, но не пестрый; в каждой миниатюре доминирует какая-либо ведущая тональность: спокойная рыжеватая охра “горок”, розово-лиловый тон облаков, бирюзовый тон моря, — а все остальные цвета гармонично ее дополняют. Тщательно позолоченные крылья ангелов, нимбы, троны и венцы придают миниатюрам особую роскошь»²⁰. Как отметил Ф. И. Буслаев, посвятивший этой рукописи отдельную главу в своем исследовании древнерусских лицевых Апокалипсисов, в условное «иконное» пространство миниатюры кое-где введены «реалистичные» элементы пейзажа.

«Чаще всего иллюстрировались излюбленные старообрядцами нравоучительные “остросюжетные” повести сборников-цветников. Подавляющее большинство текстов носит либо эсхатологический, либо нравоучительный характер. Интересно отметить, что иллюстрировались в таких сборниках, как правило, повествования о чудесных, потусторонних и сверхъестественных событиях. Помимо иллюстрирования средневековых тек-

стов, старообрядцы создавали собственные оригинальные произведения, которые также оформлялись миниатюрами»²¹.

Большой популярностью пользовались в старообрядческой среде «Сказание о отцах и страдальцах соловецких» выговского киновиярха Симеона Дионисьеви́ча, «Страсти Христовы», «Житие Василия Нового», «Житие Андрея Юродивого», «Житие Алексия Человека Божия», своеобразное «антижитие» — «Повесть о патриархе Никоне». Сохранились лицевые рукописи всех этих произведений. К более редким сюжетам относятся лицевые рукописи «Жития Димитрия Угличского», «Жития Александра Невского», «Жития протопopa Аввакума».

Большое распространение в рукописной практике Выга получили также иллюстрированные настенные «Месяцесловы», представлявшие собой годичную роспись православных праздников и поминаний и выполнявшие роль календарей. «Месяцесловы» стали выделять из книг и расписывать на отдельных листах, которые было удобно вешать на стену. Они составлялись по старинному образцу с началом года в сентябре, имели буквенные обозначения чисел и перечень праздников и имен святых, приходящихся на каждый

Родословное древо братьев Денисовых
(князей Мышецких).

Выговский лубок XVIII в.

Аптека духовная. Лубок

Птица Алконост. Выговский лубок

день. Названия месяцев и сезонов были написаны вязью. Напротив каждого сезона помещалось изображение его символа: осень обозначалась снопом, зима — колючим кустом без листьев, весна — распустившимися цветами, лето — плодами. «Месяцесловы» были очень красиво оформлены. Сочетания красно-малинового, ярко-желтого и зеленого тонов в декорировке цветов, веток, растений придавали настенным листам яркое и радостное звучание. Подобные листы украшались характерными поморскими инициалами, орнаментами, миниатюрами.

Выг стал также родиной искусства рисованного лубка, который иногда называют акварельным лубком. Изображение делалось по легкому карандашному рисунку сильно разведенной темперой (красками на основе яичной эмульсии или камеди) и золотом. Возникновение и распространение рисованного лубка приходится на середину XVIII и XIX век. Рисованные настенные листы религиозно-нравственного содержания наглядным образом служили популяризации идей и сюжетов, обосновывавших приверженность старой вере. Они были широко распространены среди старообрядческого населения сначала Севера, а затем и центра

России. Опираясь на высокую культуру рукописной книжной традиции, которая бережно сохранялась в старообрядческой среде, художники переплавили готовую форму популярного тогда печатного лубка (гравированной настенной картинки) в иное качество. Поскольку рисовальщики рисованных лубков нередко были иконописцами и художниками-миниатюристами, рисованный лубок впитал из искусства иконописи ее одухотворенность и изобразительную культуру.

Кроме выговского, можно выделить еще пять центров производства рисованного лубка: печорский, северодвинский, вологодский, гуслицкий и московский. Каждый из этих центров отличался своими самобытными чертами.

Глава 5

Певческая культура старообрядцев

Старообрядцы сохранили и сделали достоянием мировой культуры не только древнерусскую икону, но и певческие традиции Древней Руси. Основой древнерусского и старообрядческого богослужебного пения был так называемый знаменный распев, получивший свое название от общего наименования использовавшихся для его записи знаков — «знамен». Если древнерусская иконопись справедливо называется «богословием в красках», то древнерусский знаменный распев с неменьшим основанием можно назвать «богословием в звуках». По словам музыковеда и композитора Б. В. Асафьева, «монументальнейший свод мелодических сокровищ — знаменный распев — остается незыблемым эпическим памятником напевов возвышенного строя мысли русской народности»²².

Характерно, что предпочтение, отданное послами князя Владимира православию («вы-

бор веры»), древнерусские летописцы связывали с эстетическим впечатлением от «ангелоподобного» византийского пения. После принятия в 988 году христианства на Руси были восприняты и певческие традиции Византии, в основе которых лежала система осмогласия (то есть восьми гласов, или ладо-во-мелодических модусов). Данная система регулировала чинопоследование песнопений в православной церкви в восьминедельном цикле («столпе»). Каждый глас представлял собой устойчивую совокупность попевок (кокиз), являющуюся носителем определенного духовного состояния²³. «Столповое пение», или «изрядное осмогласие», было введено в богослужение Русской Церкви при великом князе Ярославе Мудром, когда в 1051 году на Русь прибыли три искусных греческих певца.

Впоследствии знаменный распев разрабатывался уже на почве национальных церковных традиций и достиг вершины своего развития в Московском государстве в конце XVI — начале XVII века. В Москве из лучших певчих был организован хор государевых певчих дьяков, который стал своего рода общерусской академией церковного пения. Большим знатоком знаменного пения был сам царь Иван IV, сочинивший стихеры па-

мяти митрополита Петра, Сретению Владимирской иконы Богоматери и «Канон Ангелу Грозному воеводе». Выдающимися распевщиками были приближенные к царю певчие Иван Нос и Федор Крестьянин (или Христианин), который возглавил одну из крупнейших школ знаменного пения. Плодами творчества отечественных мастеров-распевщиков были «переводы», то есть различные варианты богослужебных песнопений: «ин переводы», «ин роспевы», «большой роспев», «большое знамя», «малое знамя», «путь» (усольский, соловецкий) и другие.

«Как и древней иконе, знаменному распеву присущи величественная простота, спокойствие движения, четкий чеканный ритм, законченность построения, вытекающая из совершенной внутренней гармонии»²⁴. Песнопения знаменного распева — это, прежде всего, распетые богослужебные тексты, где на первый план выступает Слово. При этом знаменный распев имеет несколько типов. Одним из них является так называемый столповой распев. В столповом распеве на один слог текста приходится два-три, реже четыре тона. В мелодию могут включаться мелизматические вставки — «фиты». Столповой распев отличается множеством разнообразных

попевок и богатством ритмического рисунка. Основные певческие книги (Ирмолуй, Октай, Триодь, Обиход, Праздники) распеты именно столповым распевом. Другой тип — так называемый малый знаменный распев, или «пение на глас», — представляет собой, по сути, краткую редакцию столпового распева. В нем все богатство попевок столпового распева сведено к шести-семи, которые нетрудно удержать в памяти и легко приспособить к тексту. Большинство песнопений в старообрядческих общинах (да и, несомненно, в дониконовской Руси) исполнялось именно «на глас». В XVI веке появился «большой» знаменный распев, мелодически сложный, богатый широкой распевностью слога (внутри-слоговые распевы). Он имел мелизматические вставки импровизационного характера («фиты»), в которых на один слог нередко приходилось свыше пятидесяти звуков. Творцами большого знаменного распева были знаменитые распевщики Федор Крестьянин, Сава Рогов и их ученики. Василий Рогов, глава школы московских распевщиков, считается создателем демественного распева, имевшего сложный мелодический рисунок. Демественное пение использовалось по случаю торжеств и праздников.

Особенностью древнерусского знаменного пения было то, что оно исполнялось в строгий унисон, то есть не допускалось одновременное звучание разных по высоте звуков. Согласно древнему иерусалимскому уставу, принятому на Руси, церковное пение должно быть единогласным, проповедуя согласие и единство. Состав хора изначально был чисто мужским (за исключением женских монастырей, где он был чисто женским), то есть не допускалось существование смешанных хоров. Неприличным и изнеживающим считалось высокогласие, поэтому в древних песнопениях XV–XVI веков преобладал низкий регистр. Пение осуществлялось антифонно, то есть попеременно двумя клиросами, или ликами (хорами). Во главе каждого клироса стоял головщик — первый певец. Он должен был в совершенстве знать церковное пение и обладать твердым голосом. Головщик начинал и вел своим голосом каждое песнопение. Очень важна была однородность звучания, чтобы ни один голос не выдавался из общего хора.

Особо следует сказать о системе записи песнопений в древнерусской традиции. Певческие рукописи, относящиеся к домонгольскому периоду, содержат знаки, весьма

похожие на византийские. Встречаются и рукописи исключительно греческого, так называемого невменного письма. Однако впоследствии вырабатывается совершенно оригинальная система записи, создается своеобразное крюковое письмо, нигде за пределами Руси больше не встречавшееся и до сих пор сохраняющееся у старообрядцев. «Крюковым» оно называется по названию одного из самых распространенных знамен — «крюка». Название других знамен: «параклит», «палка», «статья», «змеица», «стопица», «голубчик», «стрела», «скамеица», «подчашие», «чашка» и т. д. «Каждое знамя — это целое духовно-музыкальное понятие, имеющее свое название и лицо — начертание, облик. В отличие от нот светской музыки, оно не показывает наглядно звуки, их высоту и длительность, а только указывает, как должен звучать данный слог песнопения. Поэтому само музыкальное значение каждого знамени должно хорошо быть известно певцу заранее, знамена лишь подсказывают его. Система знамен сложна и многообразна: тут и самые простые знаки, заключающие только один звук, и многозвучные, изменяющие значение в зависимости от своего положения, и целые построения, охватывающие слова

и даже предложения текста»²⁵. Большим достижением явилось изобретение в середине XVI века Иваном Акимовым Шайдуровым особых киноварных (красных) помет для указания звуков разной высоты, что в значительной степени облегчало исполнение песнопений по крюкам.

Никоновская реформа коснулась и богослужебного пения. Еще будучи новгородским митрополитом, Никон вместо древнего унисонного знаменного пения завел в Новгороде партесное (многоголосное) — по западному образцу. Став патриархом, он перенес это пение и в Москву, выписав польских певцов, певших «согласием органным», а для хора взял композиции знаменитого в свое время директора капеллы рорантистов^d в Кракове Мартина Мильчевского. «И законы и уставы у них латинские, руками машут и главами кивают и ногами топчут, как-де обыкли у латинников по ор-

^d Рорантисты — в 1540-е годы при дворе польского короля Сигизмунда Августа, славившегося особым пристрастием к итальянской музыкальной культуре, была основана певческая капелла «Рорантисты», в состав которой входили несколько певцов-итальянцев.

ганом», — писал о таком пении протопоп Аввакум.

Реформирование певческих книг на новый лад почиталось при царе Алексее Михайловиче делом государственной важности и было поручено Приказу тайных дел. И это неслучайно. Наиболее проницательные умы древности понимали огромное значение музыки и силу ее воздействия на человеческие чувства. Последователь Конфуция древнекитайский философ Сюнь-цзы писал: «Музыка — это гармония, которую нельзя изменять. Ритуал — это порядок, который нельзя преобразовывать. Музыка объединяет подобное, церемонии различают различное. Музыка и ритуал вместе управляют человеческими сердцами. Выразить сущность реальных вещей, исчерпать возможные изменения — такова способность музыки; создать искренность и уничтожить притворство — такова задача ритуала»²⁶. Музыка и ритуал являются наиболее совершенными средствами воздействия на человеческие сердца и тем самым могут обеспечивать поддержание порядка и спокойствия. Об этом говорит Конфуций в «Луньюе»: «Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований,

то дела не могут осуществляться. Если дела не могут осуществляться, то ритуал и музыка не процветают. Если ритуал и музыка не процветают, наказания не применяются надлежащим образом. Если наказания не применяются надлежащим образом, народ не знает как себя вести»²⁷.

Аналогичную мысль находим в челобитной царю Алексею Михайловичу соловецких иноков, выступивших против никоновской реформы: «Егда святыя церкви без мятежа и без пакости в мире бывают, тогда вся благая от Бога бывают подаваема; такоже преме-нения ради церковного пения и святых отец предания, вся злая на них приходят. Ныне же, государь, грех ради наших попусшением Божиим, отнележе они новыя учителя, начаша изменяти церковное пение и святых отец предание, и православную веру, от того государь времени в твоём Российском государстве начаша быти вся неполезная, моры и войны безвременны, и пожары частыя, и скудость хлебная, и всякое благих оскудение. И аще государь толикия многия безчисленные свидетельства на нашу православную христианскую веру яко непоколеблемо в православных догматах и в церковных исправлениях, и до сего времени пребывает,

и за церковное пение пременение, видим вси наказание Божие, то кая государь нужда нам истинную православную веру, Самем Господем Богом преданную, и утвержденную святыми отцы, и вселенскими верховнейшими патриархи похваленную ныне оставити, и держати новое предание и новую веру?»²⁸

Большой Московский собор 1666–1667 годов наряду со всеми древними чинами и обычаями дораскольной Церкви предал проклятию и наиболее древнюю разновидность знаменного пения, так называемое наонное пение, а в 1680 году царь Федор Алексеевич приказал окончательно искоренить в церкви знаменный распев, заменив его партесным пением. Впоследствии в новообрядческих церквях по преимуществу стали исполняться песнопения полусветского характера, построенные в соответствии с законами западноевропейской музыки.

Исследователи, занимающиеся изучением церковного пения в XVIII веке, приходят в недоумение от изуродованности языка («польския вирши») и вычурной бессодержательности песнопений того времени. Увлечение западным пением было так сильно, что меняли даже внешность церковных певчих, прежде бородатых и одетых в полукафтанье,

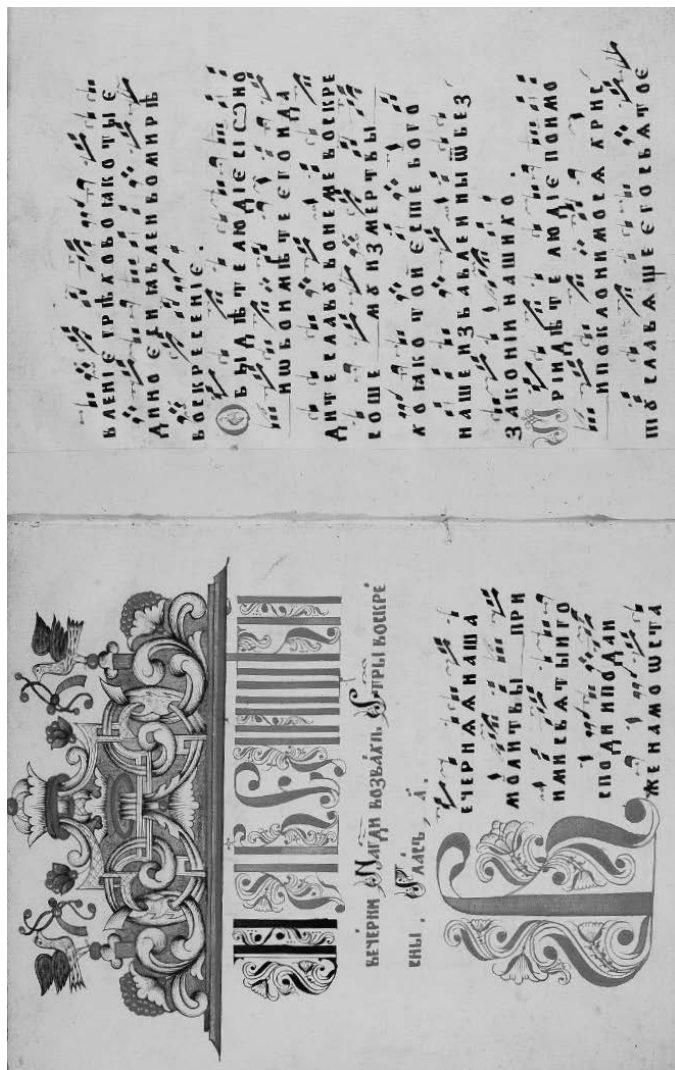
и одевали их в польскую одежду с закинутыми назад разрезными рукавами. Мужчинам стали брить бороды, дворовых девок стригли и одевали в мужскую одежду, чтобы и они пели в церквах высокими голосами. Слушатели во время службы иногда до такой степени забывались, что начинали аплодировать. Например, в церкви во время литургии пели басовую арию жреца из оперы Спонтини «Весталка» на слова «Тебе поем, Тебе благословим» под вокальный аккомпанемент обоих клиросов. «Херувимская» была составлена из оратории Гайдна. В свадебных концертах слышались мотивы Моцарта, а песнопение «О, Всепетая Мати» положили на музыку хора жриц из «Ифигении» Глюка. Наконец, дошли до того, что оратория «Тебе Бога славим» исполнялась под аккомпанемент колоколов, барабанов, пушечных выстрелов из 10 орудий и сопровождалась фейерверком!

Как здесь не вспомнить слова столпа православия святого Иоанна Златоуста: «Несчастный, тебе бы надлежало с трепетом и благоговением повторять ангельское словословие, а ты вводишь сюда обычаи плясунов, махая руками, двигаясь всем телом. Твой ум помрачен театральными сценами, и что бывает там, ты переносишь в церковь»?

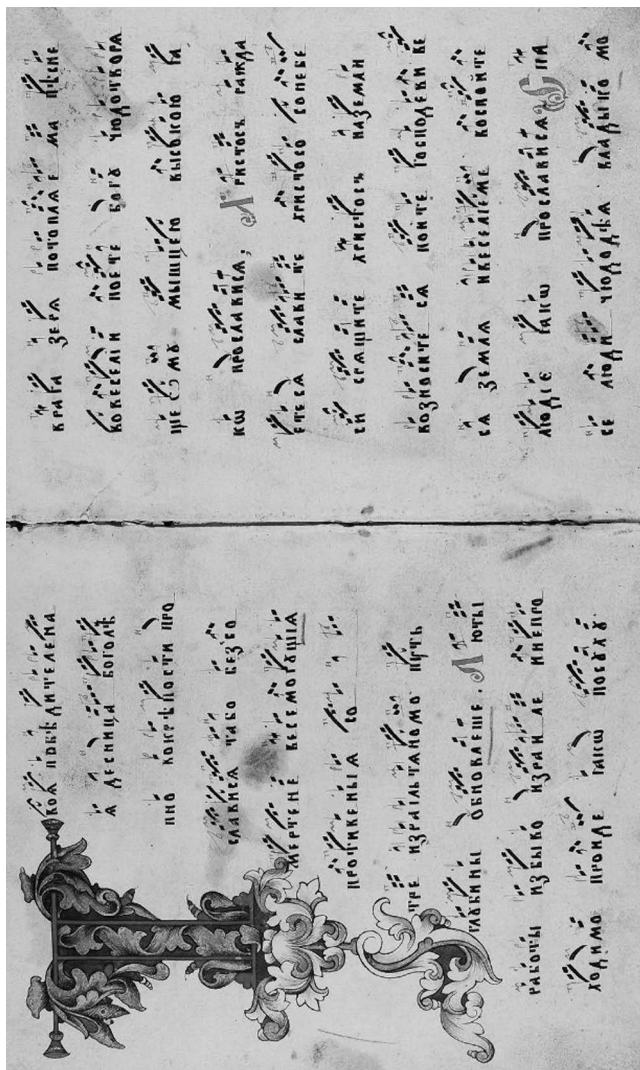
Однако после никоновской реформы древнерусский знаменный распев не исчез бесследно, но продолжал существовать в старообрядческих скитах и моленных, передаваясь из поколения в поколение в качестве живой традиции вплоть до наших дней. «Эта живая певческая традиция старообрядцев является замечательным звучащим памятником, не менее важным, чем рукописное наследие — служебные певческие рукописи и теоретические руководства. Необходимо при этом напомнить, что ни одна даже очень развитая нотация не может быть адекватна живому исполнению. Особенно это касается крюковой нотации, обобщенной и в значительной мере условной, многое в ней передавалось устным путем от учителя к ученику. Живая певческая практика раскрывает характер исполнения знаменного пения, его ладовые и ритмические особенности, а также жанры, принадлежащие к исключительно устной традиции, не зафиксированной в рукописях, например, чтение нараспев. Пение старообрядцев является единственным источником, сохранившим этот древнейший тип распева»²⁹. Как писал в начале XX века крупнейший исследователь древнерусской музыки С. В. Смоленский, старообрядцы «не

утеряли главнейшие подробности теории знаменного пения и сохранили оттенки его исполнения; у них живы еще по певческим преданиям и многие не писанные в книгах подробности, например, о произношении текста, о высоте тона, об общей скорости исполнения и т. д.»³⁰.

Обучение знаменному пению проводилось наиболее грамотными людьми по старым крюковым книгам. Круг певческих книг обеспечивал проведение повседневных служб (по книгам Октай, Обиход, Ирмолы, в Великий Пост — по Триоди), праздничного годового последования (по книгам Праздники, Трезвоны) и частных служб (таких, как венчание, погребение, молебны) по специально составленным старообрядцами книгам XVIII–XIX веков и Обиходу. Традиции составления этих книг восходят к глубокой древности. В них собраны переложенные на славянский язык произведения великих гимнографов греческой поэзии: Иоанна Дамаскина, Козмы Маюмского, Василия Великого, Григория Богослова, братьев Феодора и Иосифа Студитов, Романа Сладкопевца, Андрея Критского, Иосифа Песнописца, представителей сербской и болгарской гимнографических школ, а также произведения,

Певческая рукопись «Октай». Поморское письмо

Певческая рукопись «Ирмосы». Поморское письмо

созданные древнерусскими гимнографами в честь русских святых. «Вся эта многовековая история христианской литературы — византийской и славянской — отразилась в певческой гимнографии и исполняется по сей день в крестьянских общинах, молельных домах и часовнях. Многие современные старообрядцы России являются наследниками тысячелетней музыкально-поэтической культуры...»³¹

Для практического овладения навыками знаменного пения составлялись специальные пособия — певческие азбуки. Ко времени раскола они приобрели вид развернутых, подробных музыкально-теоретических трактатов. «Музыкальное знание было строго дифференцированным и всеобъемлющим. Именно в таком виде оно и было воспринято старообрядцами — на пике расцвета древнерусской теоретической мысли. Азбуки предусматривали твердое знание древнего нотного письма (крюкового), разных типов нотаций, появившихся в процессе развития певческого искусства в Московском государстве (путевой, демественной и др.), мелодический словарь певческих книг, а также словарь виртуозных стилей пения (так называемого фитного и др.), жанров

пения, законов гласового пения (осмогласия), принципов воспроизведения текстов по музыкальным моделям (пение “на подобен”), умение распевать текст в вариантах (“ин”, “произвол”, “ино пение”). Кроме того, давались познания практического характера для овладения исполнительскими навыками. Эти сведения выписывались в предисловиях»³².

Вместе с тем грамотные певцы («знаменщики», или «солевики») всегда составляли привилегированную группу в старообрядчестве. В общинах их постоянно не хватало. Но даже при их отсутствии службы продолжали совершаться благодаря тому, что в каждой общине всегда имелись «малограмотные» певцы, которые хотя и не освоили крюковую грамоту, однако обладали многолетней практикой и каждодневным участием в церковной службе. Эти «малограмотные» настолько хорошо затверживали часто исполняемые напевы, что знали их не хуже «грамотных». Так складывалась устная традиция богослужебного пения, или «напевка».

Под «напевкой» обычно понимают своеобразную версию знаменных песнопений, сложившуюся в той или иной общине. С годами напевка входит в традицию и образует

фактически новый распев. При этом изначальная мелодия упрощается, и на первый план выступает текст. «Старообрядцы до сего дня сохранили уникальную способность озвучивания текста пятью способами: по крюкам, по книгам, на глас (по образцам), речитативом (“псалмодией”), “напевкой”, чтением нараспев, из которых “напевка” оказывается предпочтительной. Напевкой исполняются ирмосы, кафизмы, многие песнопения, не имеющие в книгах письменной версии. Напевка представляет собой схему ритмической и звуковысотной структуры знаменного распева в его реальном воспроизведении. Это доказывает, что старообрядцы не являются косными хранителями, а мыслят в системе древнерусского гласового пения. В этом жизненность их искусства и творчества»³³.

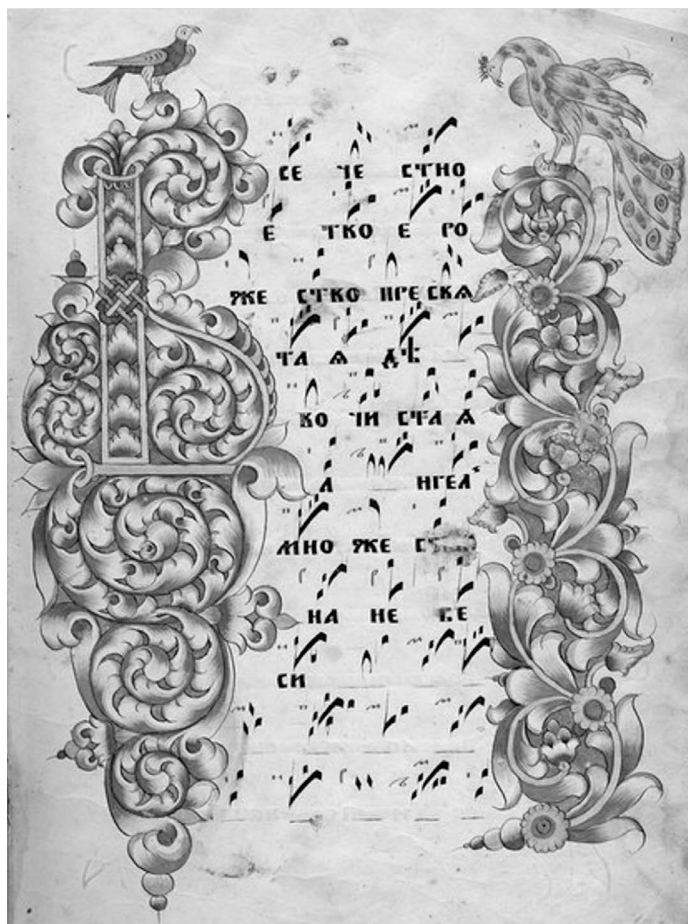
Старообрядцы сосредоточили в своих руках значительное число древнерусских певческих рукописей, по которым они вели богослужение, обучали пению, составляли службы. Однако уже с XVIII века в связи с изменениями, коснувшимися самих старообрядцев, происходит пересмотр древнего певческого наследия, и старообрядцы становятся творцами и носителями самостоя-

тельных традиций, которые находят отражение в их рукописных сборниках. С конца XVII века старообрядчество разделяется на несколько крупных направлений (беглопоповцы, поморцы, федосеевцы, спасовцы), у каждого из которых формируются свои духовные центры. Несмотря на то что все направления старообрядчества характеризует стремление сохранить «древнее благочестие», сохранить дониконовские богослужебные традиции, в том числе и певческие, в различных регионах постепенно сложились свои особенности. Наиболее архаические певческие традиции сохранились в беспоповской среде (поморцы, федосеевцы, филипповцы, отчасти скрытники). Это так называемое раздельноречное, или наонное пение (от выражения «петь на он», то есть на букву «о»). Рукописи, которыми пользуются беспоповцы, продолжают традиции певческих книг XV–XVI веков, отражающие еще более древнее (X–XIV веков) особое церковнославянское произношение. Специфика этих книг состоит в том, что в них оглашаются твердые и мягкие знаки («ер» и «ерь»), которые читаются соответственно как «о» и «е», как в середине, так и в конце слов (это явление также называется «хомонией», от-

сюда еще одно название наонного пения — «хомовое»).

Авторитетнейшим центром старообрядцев-беспоповцев становится в XVIII веке Выго-Лексинское общежительство, где переписывались певческие книги, составлялись «стихословия поемья», духовные стихи. Этот старообрядческий духовный центр на два века определил традицию беспоповских согласий — поморцев, федосеевцев и филипповцев, обосновавшихся на Северо-западе Российской империи, в пределах Нижегородской губернии, Вятки, в Стародубье, в Польше, а впоследствии — на Урале и в Сибири.

Как в богослужебном уставе Выговская киновия ориентировалась на устав Соловецкого монастыря, так и в пении выговцы придерживались традиций наонного пения, которое до самого разорения монастыря в 1676 году свято сохраняли соловецкие иноки. Именно на Выге удалось сохранить древнерусский знаменный распев в его первоизданной чистоте и полноте. Наряду с наонным пением выговцы передавали изустным путем древнейший тип литургического (богослужебного) чтения — чтение нараспев, или на погласицу («прогласицу»), богослужебных (Евангелие, Апостол, Псалтырь, Минеи)

Певческая рукопись «Праздники».
Гуслицкое письмо

и учительных книг (Златоуст, Торжественник, Пролог, Учительное Евангелие). К концу XVIII века сложился своеобразный «канон» в оформлении поморских певческих книг, отличительными особенностями которого были характерный поморский полуустав в написании текста песнопений, особая четкая манера написания «крюков» и «солей» (высотных помет), а также роскошный растительный орнамент в оформлении заставок и титульных листов.

В отличие от поморцев, старообрядцы-поповцы ориентируются в богослужебном пении на певческие традиции второй половины XVII века. Это так называемое истинноречие, или наречное пение. Наречное пение появилось в середине XVII века, когда традиция пения наонного подверглась резкой критике как искажающая смысл богослужебных текстов, а певческие книги стали исправляться: устранились якобы лишние слоги, ударения в словах стали располагать как при чтении. «Конечно, при этом была нарушена та духовная и звуковая гармония текста и напева, которая вырабатывалась в течение пяти-шести веков. Введение наречного пения принесло с собой ложную мысль о несовершенстве древнего, новый характер пения противопо-

ставлялся старому. Для сторонников наречного пения главным оказывается восприятие богослужения молящимися, его доступность для понимания. Между тем, приверженцы хомового пения понимают церковную службу прежде всего как общение с Богом, а не с человеком»³⁴.

В XVIII–XIX веках появляются многочисленные музыкальные центры и скриптории старообрядцев-поповцев: на Иргизе, в Гуслицах, на Урале и в Сибири. У поповцев также со временем выработался свой характерный стиль в оформлении певческих рукописей – так называемый гуслицкий.

Отдельную сферу музыкально-поэтического творчества старообрядцев составляют духовные стихи. Они образуют промежуточное звено между богослужебными песнопениями и светскими песнями. Светские песни были тоже широко распространены среди старообрядцев, однако в ряде старообрядческих согласий предписывалось вместо песен петь духовные стихи, особенно во время Великого поста. Духовные стихи распространялись среди старообрядцев различных согласий уже с конца XVII века. В них нашла поэтическое воплощение картина мира староверов, их взгляд на отечественную

историю (от событий первых лет раскола, «Соловецкого сидения» и подвигов первых старообрядческих мучеников — до страдальцев за веру в 30–40-х годах XIX века). Вместе с тем старообрядцы сохранили и многие общерусские эпические стихи, созданные еще до раскола. Многочисленные записи, сделанные фольклористами, по преимуществу, у носителей традиции — старообрядцев, представляют собой поистине бесценный клад. Что-то из этих записей было опубликовано, но в большинстве своем они хранятся в рукописных архивах и фонотеках Института русской литературы, в архивах Московской, Санкт-Петербургской, Новосибирской консерваторий и в других местах.

Исследователи отмечают бытование духовных стихов в старообрядческой среде в двух формах — устной и письменной. Письменные тексты выделились из богослужебных текстов еще в XV веке, записывались крюками и пелись по осмогласию. Как правило, это покаянные стихи. Именно они послужили основой для старообрядческих духовных стихов. Обычно ранние сборники духовных стихов XVII века были нотированными, однако с середины XVIII века появляются и ненотированные сборники. «С этого

времени входит в обычай исполнение стихов по напевке. Мелодии текстов в каждой местности имели свои варианты и воспроизводились в устной форме. Так появилась полуустная традиция бытования стихов. Стихи чисто фольклорного происхождения у старообрядцев встречаются крайне редко и представляют собой поздние записи архаичных сюжетов (о Егории Храбром, о семиглавом змее и другие). В числе ранних письменных стихов сохранился сюжет об Адаме»³⁵.

Здесь также необходимо отметить, что в староверческой среде широко бытовала устная традиция народного поэтического творчества. Так, например, старообрядцем был знаменитый знаток и исполнитель древнерусских былин Трофим Григорьевич Рябинин (1801–1885), который исполнял 23 былины и 2 исторические песни XVI–XVII веков. Открыл знаменитого сказителя П. Н. Рыбников, который познакомился с ним в 1860 году и тогда же записал от него все исполняемые им былины — поистине бесценный клад! В 1871 году к Т. Г. Рябину приехал ученый-славист А. Ф. Гильфердинг, записавший 18 былин. В том же году сказитель по приглашению Гильфердинга приезжает в Петербург и выступает перед публикой. Выступления

его пользовались большим успехом. Великий князь Константин Николаевич подарил певцу серебряный кубок в древнерусском стиле, а царь Александр II пожаловал ему серебряную медаль.

Рябининские сказы оказали влияние и на творчество великих русских композиторов: Н. А. Римский-Корсаков услышал от него песню «Орел воевода», на которой построена пляска птиц в его опере «Снегурочка», а М. П. Мусоргский записал с его голоса две былины и использовал мелодию одной из них в «Сцене под Кромами» в «Борисе Годунове».

Сын Трофима Григорьевича — Иван (1844–1910) — также стал сказителем былин и знал 14 былин и три духовных стиха, причем некоторые из былин пел иначе и подробнее, чем отец. В 1892 году он пел былины в Санкт-Петербурге. Всего знал наизусть более 6000 стихов. Лучшие записи русских былин, а также наиболее полный вариант карело-финского эпоса «Калевала» были сделаны учеными именно у старообрядцев Русского Севера.

С XVIII века в Выговском обществе благодаря киновиархам Андрею и Симеону Дионисьевичам складывается самостоятель-

ная поэтическая школа. Она значительно обогатила духовную музыкальную лирику виршевыми сочинениями. Среди произведений выговской школы, для которых характерен вкус к барочной лексике и силлабическому стихосложению, — полный круг двенадцатых праздников, изложенный нотированными виршами, а также ряд сочинений, отражающих историю общежительства. Встречаются и распетые по крюкам стихи и оды М. В. Ломоносова. Большинство духовных стихов этого типа было тиражировано в гектографических изданиях начала XX века.

В конце XIX — начале XX века начинается открытие древнерусской «музыкальной Атлантиды», которое продолжается до наших дней. После выхода царского Указа о веротерпимости 1905 года происходит активизация деятельности старообрядчества всех согласий. Благодаря этому русское общество получает возможность ознакомиться с богатейшим древнерусским наследием, сохраненным для потомков старообрядцами. Выходит из печати серия изданий «Церковное пение» (1909), на страницах журнала «Церковь» появляются многочисленные публикации о пении. Начинается издательская

деятельность Л. Калашникова, выпускавшего массовым тиражом певческие книги. Печатаются певческие азбуки, выходят в свет такие руководства, как азбука И. Фортова (1884) в первом томе «Круга пения», азбуки М. Озорнова (1901) и Ф. Барнукова. Неоднократно издавалась певческая азбука Л. Калашникова (1-е издание в 1908 году) и певческие книги Октай, Триодь, Ирмолой. В журнале «Старообрядческая мысль» в 1911 году публикуется азбука знаменного пения Б. Быстрова.

Вместе с тем развивалась и исполнительская деятельность. В конце XIX века в Москве был создан знаменитый Морозовский хор под управлением И. Фортова (позднее П. Цветкова). Число певцов в нем доходило до 60 человек. Репертуар был обширным, включал в себя богослужебные песнопения знаменного, путевого, демественного распевов, исполнял и чисто старообрядческие распевы — «рогожский» и «преображенский», а также духовные стихи. С 1908 года начались концертные выступления хора. Всего состоялось шесть выступлений, последнее — 13 марта 1911 года в Большом зале Московской консерватории. Выступления Морозовского хора имели большой резонанс в музыкальных кругах столицы. В 1907, 1909

и 1910 годы были осуществлены записи хора на грампластинки. На сегодня эти уникальные записи являются единственным источником в изучении старообрядческой певческой традиции начала XX века.

В годы советской власти по старообрядчеству был нанесен сокрушительный удар. Массово закрывались церкви и моленные, носители древних традиций подвергались репрессиям, а оставшиеся в живых хотя и продолжали тайно молиться по домам, однако же опасались привлекать к богослужениям молодое поколение. В 70–80-е годы XX века многие знатоки знаменного пения ушли из жизни, так и не передав свои знания новому поколению. В результате преемственность богослужебных традиций (в том числе и певческих) во многих старообрядческих общинах была утрачена. И только в крупных городских общинах послевоенного периода (Москва, Рига, Вильнюс, Ленинград, Нижний Новгород) удавалось эти традиции поддерживать и сохранять.

С конца 80-х годов XX века возрождается интерес к знаменному пению со стороны старообрядческой молодежи. Делаются записи, создаются молодежные хоры, которые выступают со знаменными песнопениями

и духовными стихами на различных фестивалях духовной музыки, проводящихся как в нашей стране, так и за рубежом. Одновременно наблюдается пробуждение интереса к древнему знаменному пению среди представителей новообрядческой церкви. Однако здесь попытки возрождения (или, скорее, реконструкции) древнерусского знаменного пения выглядят несколько искусственными, поскольку используются новые, послереформенные тексты и новые богослужебные уставы, знаменное пение не согласуется со всеми другими неотъемлемыми элементами древней церковной службы. Часто преобладает кабинетность и академичность, сказывается отсутствие преемственности, а зачастую просто игнорируется наличие живой традиции, сохранившейся в старообрядчестве.

Глава 6

Традиции духовного образования в старообрядчестве

Старообрядцы всегда стремились к духовному образованию и всеми силами содействовали развитию просвещения в своей среде. «При знакомстве с историей старообрядчества, с его современной общественно-религиозной жизнью, — писал в начале XX века старообрядческий мыслитель И. А. Кириллов, — невольно бросается в глаза горячее стремление к истинному, не одностороннему свету знания. История старообрядчества дает яркий пример русской самобытной школы, которая жила на Руси, несмотря ни на какие административные карательные меры, и скромно делала свое великое и святое дело. Да, это не преувеличение — великое и святое! Русский народ многим обязан старообрядческим народным вольным учителям, этим стильным старушкам и старичкам с их старинной, “иосифовской” Псалтырью. Сколько русских людей воспиталось на этой

дивной книге, сколько душ соблюла она от грязи и разложения!»³⁶

Немецкий барон А. Гакстхаузен, проехавший в середине XIX века пол-России, отмечал: «Староверы, в большинстве случаев, получают некоторое образование, и в этом далеко оставляют за собой остальных русских. Большинство их умеют читать и писать, хотя по старославянской грамоте (новую русскую азбуку они считают еретической). Все они хорошо знают Библию и даже почти наизусть. Они изоощряют свой ум в теологических тонкостях. Я могу привести здесь несколько примеров, свидетельствующих о диалектических способностях этих крестьян»³⁷.

О результатах распространения просвещения среди старообрядцев красноречиво говорит статистика: если в 1908 году средний уровень грамотности в Европейской России равнялся 23 %, то среди старообрядцев он достигал 36 %, причем в северных областях даже до 43 %. В бюджете старообрядческой крестьянской семьи в 1908 году на книги затрачивалась в среднем 61 копейка, в то время как крестьянство иных конфессий денег на книги почти не тратило (например, в Вятской губернии в том же году эта цифра

Храм Рижской Гребенщиковской
старообрядческой общины

в среднем крестьянском бюджете равнялась полутора копейкам)³⁸.

Однако старообрядцы не довольствовались домашним образованием, духовные вожди старообрядчества всегда чувствовали потребность в лучших школах, которые бы могли дать народу более широкое образование. Начиная с царствования Александра I они неоднократно обращались к властям с просьбой разрешить им открыть свои школы, но постоянно наталкивались на отказ. При Николае I были уничтожены и те немногие школы, которые старообрядцам все же удалось создать. В 1832 году была закрыта в Риге единственная русская школа, основанная еще в 1818 году, на том основании, что ей управлял «раскольник». Сироты, учившиеся в рижской старообрядческой школе, были переведены в рижский батальон военных кантонистов. В 1835 году такая же участь постигла московское старообрядческое училище для сирот и подкидышей на Рогожском кладбище. В 1839 году последовало запрещение выдавать старообрядцам свидетельства на право обучения детей и в то же время министру народного просвещения предписано при выдаче подобных свидетельств спрашивать просителей, к какому вероисповеда-

нию они принадлежат. В 1850 году рижские старообрядцы ходатайствовали о дозволении их детям обучаться в государственных гимназиях и университетах. Им это было дозволено не иначе, как по предварительном присоединении их детей к господствующей церкви, и предписано немедленно исключать их из заведений в случае «замеченного в них религиозного охлаждения». В 1879 году журнал «Новое время» сообщал о безуспешном желании купцов-старообрядцев устроить специальное училище с программой, отвечающей потребностям торгово-промышленного класса.

В связи с невозможностью иметь собственные учебные заведения и получать образование в государственных наиболее распространенной формой образования в старообрядческой среде становится начетничество. «Под старообрядческим начетничеством следует понимать основательное, порой дословное знание апологетической литературы, в первую очередь традиционной дониконовской книжности, свободное цитирование по обсуждаемым вопросам. И это неслучайно. Книжное слово являлось высшим авторитетом, и цитата — важнейшим аргументом в любых спорах»³⁹.

Старообрядческие начетчики в большинстве своем были людьми, не получившими какого-либо систематического образования, но по природной способности и любознательности путем самообразования овладевшие книжностью, навыками устного и письменного слова. Хотя начетчики существовали с самого начала церковного раскола, в полной мере их роль была осознана и осуществлена в начале XX века после выхода Манифеста о веротерпимости 17 апреля 1905 года, когда появилась возможность встреч с миссионерами синодальной церкви. В конце XIX — начале XX века на защиту старой веры выступает целая плеяда старообрядческих начетчиков — Д. В. Батов, А. А. Надеждин, Л. Ф. Пичугин, Ф. Д. Пермяков, Т. С. Тулупов, Т. А. Худошин, Ф. Е. Мельников, Д. С. Варакин и другие.

Следующим шагом правительства после Манифеста 1905 года стала публикация 6 февраля 1907 года Высочайше учрежденного положения Совета Министров о разрешении старообрядческим духовным лицам преподавать Закон Божий в общих и частных учебных заведениях. Старообрядцы были также допущены в юнкерские и военные училища с правом получать офицерское звание.

После провозглашения в России свободы вероисповедания одной из насущнейших задач становится организация старообрядческих учебных заведений. Если до Манифеста в России действовали лишь три официально разрешенные старообрядческие школы (в Риге при Гребенщиковской общине — работала с 1818 по 1832 год, вновь открылась в 1883 году; в деревне Ионово Богородского уезда Московской губернии — открыта в 1880 году стараниями Викулы Алексеевича Морозова, и в деревне Бугровка близ Нижнего Новгорода — построена знаменитым промышленником-старообрядцем Н. А. Бугровым), то после получения старообрядцами религиозной свободы школы начинают расти, как грибы. «Это были учебные заведения разного уровня, от школ “славянского чтения и крюкового пения” до училищ, аналогичных земским. Многие училища строились при попечительстве земских управ, в некоторые учебные заведения принимались дети старообрядцев разных согласий»⁴⁰. Старообрядческие школы и училища открываются по всей Российской империи: в Санкт-Петербурге и Москве, в Бессарабской, Витебской, Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Костромской, Московской, Оренбургской, Перм-

ской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Тверской, Томской, Херсонской и Черниговской губерниях, в Терской и Уральской областях, а также в Области Войска Донского. 5 сентября 1910 года было открыто Первое Саратовское училище для детей христиан-старообрядцев. При открытии в нем было лишь два отделения с 93 учащимися мальчиками и девочками, а через год в школе стало уже четыре отделения с 190 учащимися при 6 учителях.

Особенно заметную роль в деле духовного образования старообрядчества сыграл Западный край, где наблюдался наиболее стремительный рост числа старообрядческих народных школ. Многие из них имели статус городских училищ. В одной только Курляндской губернии в 1906 году было открыто 17 старообрядческих школ.

8 сентября 1908 года в городе Двинске (ныне — Даугавпилс, Латвия) прошло торжественное освящение общественного здания под двухклассное старообрядческое училище. Здание было рассчитано на 200 человек. В год открытия в училище обучалось 120 мальчиков. Кроме мужского, в Двинске имелось и женское одноклассное старообрядческое училище. Недалеко от Двинска

действовала Илукстская учительская семинария, имевшая специальные классы для учащихся-старообрядцев и своего законоучителя — Л. С. Мурникова, впоследствии наставника Рижской Гребенщиковской общины.

В 1911 году в Двинске прошел Первый Всероссийский Съезд по народному образованию старообрядцев-поморцев. Участвовали видные деятели поморского согласия: Т. А. Худошин, М. К. Ермолаев, А. М. Пимонов, Н. П. Ануфриев, С. Р. Кириллов, И. У. Вако́нья и другие. Этот съезд имел огромное значение в деле народного просвещения среди старообрядцев. Он признал желательным повсеместное открытие старообрядческих училищ, а также постоянного учебного заведения для подготовки наставников и ежегодных педагогических курсов для учителей и апологетов поморского староверия. Были одобрены проект учебника по Закону Божию и программа издания журнала «Щит веры» (первый номер вышел в Саратове в 1912 году). Труды съезда были выпущены отдельным изданием.

Совершенно новую страницу в истории старообрядческого образования открыл Московский старообрядческий богословско-учительский институт. Это учебное заведе-

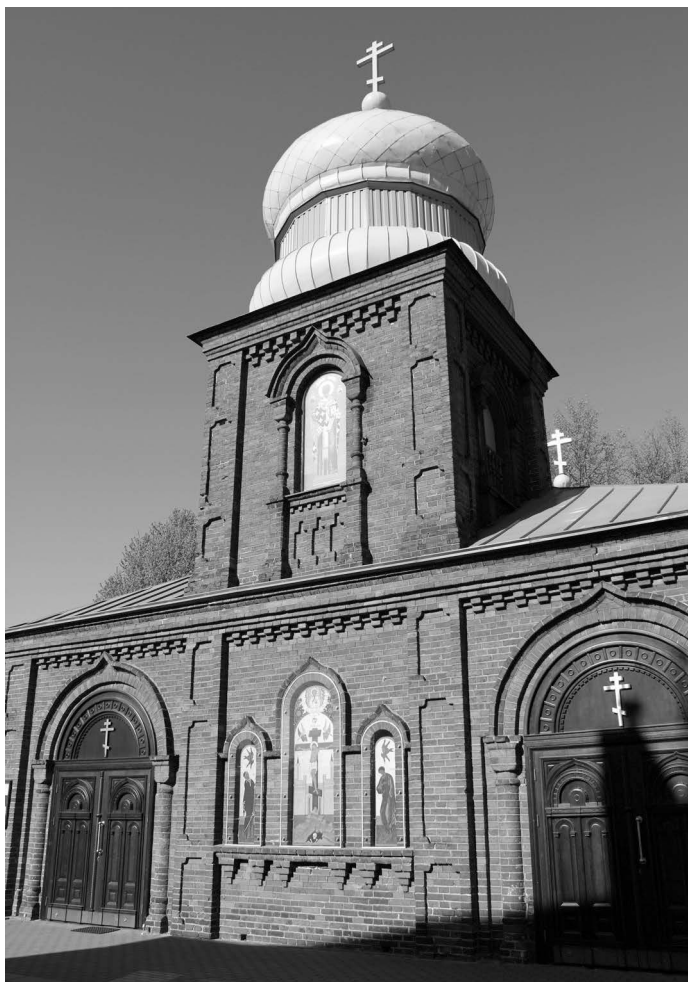
ние было основано при общине Рогожского кладбища старообрядцев белокриницкой иерархии. Первоначально институт задумывался для подготовки преподавательских кадров в старообрядческие школы и училища. В Институте предусматривалось шестилетнее обучение: четыре курса общеобразовательных и два специальных, богословско-педагогических. В программу обучения входили следующие предметы: история Священного Писания, малый катехизис, литургика, догматическое богословие, основное богословие, сравнительное богословие, история восточной и западной церквей, история русской церкви, история старообрядчества, апологетика старообрядчества, церковное право с практическим руководством для священников, русский язык (этимология, синтаксис, грамматика, теория словесности, литература), славянский язык, арифметика, алгебра, геометрия, всеобщая история, русская история, география, физика, природоведение, логика, психология, введение в философию с обзором философских проблем, педагогика (история педагогики, общая педагогика, дидактика и методика), гигиена, греческий язык, немецкий язык, рисование (иконопись), крюковое пение.

Первым директором Московского старообрядческого института стал Александр Степанович Рыбаков, выпускник исторического факультета Московского университета, ученик В. О. Ключевского, отец знаменитого историка, академика Б. А. Рыбакова. Первый класс старообрядческого института был открыт 10 сентября 1912 года. Попечительский совет, состоявший из известных деятелей старообрядчества (в него входили С. П. Рябушинский — председатель и по сути главный руководитель института, А. И. Морозов, Т. С. Морозов, С. Д. Милованов и другие — члены совета), рассмотрел рекомендации местных старообрядческих общин и принял без экзамена 23 человека. Кроме того, к вступительному экзамену было допущено еще 15 человек. Из первых студентов 12 были крестьяне, шесть — мещане, девять — казаки. 13 студентов были сыновьями старообрядческих священников. Средний возраст учащихся составлял 16 лет. Институт просуществовал до 1918 года, когда был закрыт большевиками. Последним директором института был известный начетчик и богослов Ф. Е. Мельников.

В 1918 году в Москве по инициативе старообрядцев всех согласий, имевшихся

в столице, была основана Старообрядческая народная академия — курсы по истории и культуре старообрядчества. Основной целью курсов было просвещение старообрядцев и ознакомление общества с историей этого религиозного течения и его особенностями. Деятельность Старообрядческой академии предполагалось вести на постоянной основе вместо закрытого большевиками Московского старообрядческого учительского института. Удалось провести всего один учебный цикл (с 15 мая по 1 июля 1918 года). Кроме преподавателей-старообрядцев (поповцев и беспоповцев) лекции читали князь Е. Н. Трубецкой (о русском возрождении в религиозной живописи) и А. Кизеветтер (о строе древнерусского общества). До своего рукоположения в иереи патриаршей церкви (9 июня 1918 года) лекции о современной обмирщенной культуре читал философ и богослов С. Н. Булгаков. Однако и это последнее старообрядческое учебное заведение в России было закрыто в июле 1918 года властями.

Ситуация в странах Балтии в 1920–1930-е годы была более благоприятной. Здесь старообрядчеству суждено было пережить свой «серебряный век». За короткое время удалось организовать проведение

Храм Каунасской
старообрядческой поморской общины

летних Духовных курсов по подготовке вероучителей в Даугавпилсе и Вильно. К деятельности курсов привлекались опытные педагоги и авторитетные духовные наставники, знатоки богослужебного устава и знаменного пения. В 1931 году в Каунасе открылось стационарное духовное учебное заведение — Литовские старообрядческие духовные курсы с трехлетней программой обучения (иногда их называют старообрядческой духовной семинарией). Главным организатором и руководителем духовных курсов стал Иван Прозоров. В программу обучения входили как духовные (история Церкви Христовой, Библия, церковнославянский язык, катехизис, церковный устав и Кормчая, церковное пение, история старообрядчества), так и общеобразовательные предметы (алгебра, геометрия, география Литвы, история России, история Литвы, русский, литовский, немецкий и латинский языки). Преподаватели курсов подготовили ряд учебников: И. Прозоров написал «Историю старообрядчества» (1933), наиболее значительную историческую работу по данной тематике в межвоенный период в балтийских странах, переработал учебник И. В. Скворцова в «Краткий курс педагогики» (1930), издал «Катехизис».

23 июня 1931 года в Каунасском приходе была открыта выставка старинных старообрядческих книг. 11 декабря 1932 года курсанты организовали первый старообрядческий духовный концерт, а 19 февраля 1933 года – второй. Преподаватели и учащиеся курсов издавали журнал «Китеж-Град» (1933–1934, редактор И. Никитин), ставший единственным старообрядческим периодическим изданием того времени. 18–22 июня 1933 года слушатели курсов во главе с И. Прозоровым совершили экскурсию в Ригу, где состоялась их встреча с членами известного «Кружка ревнителей русской старины», возглавляемого И. Н. Заволоко. Несмотря на то что курсы просуществовали лишь до декабря 1933 года, из этого учебного заведения вышли впоследствии самые авторитетные и грамотные прибалтийские духовные наставники, служившие в общинах вплоть до 1990-х годов.

В Советской России ситуация была иной. В 1920–1930-е годы начинаются новые гонения на старообрядчество, все старообрядческие училища и школы закрываются. В 1944 году И. В. Сталин разрешил Московской Патриархии открывать духовные академии и семинарии, однако старообрядцы вплоть до конца 1980-х годов на все свои

прошения об открытии собственных духовных училищ неизменно наталкивались на категорический отказ властей. С началом перестройки и распада Советского Союза ситуация изменилась. При крупных старообрядческих общинах начинают действовать воскресные школы. 1 октября 1989 года в Латвии открывается духовное училище при Рижской Гребенщиковской общине старообрядцев-поморцев. Аналогичное училище открывается впоследствии и у старообрядцев белокриницкого согласия в Москве — на Рогожском кладбище (1996). Оба училища, несмотря на временные трудности и перерывы в работе, продолжают действовать до сих пор. С конца 1990-х годов действуют заочные курсы церковнослужителей при поморской общине Санкт-Петербурга, на которых проходят обучение староверы-поморцы не только со всей России, но и из зарубежных стран. Однако проблема духовного образования до сих пор продолжает оставаться в старообрядчестве во многом нерешенной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бужинский В. В. О роли старообрядчества в истории России // Старообрядчество: История, культура, современность. Материалы VII Международной научно-практической конференции «Старообрядчество: история, культура, современность», посвященной 100-летию издания указа «Об укреплении начал веротерпимости» и 100-летию распечатания алтарей храмов Рогожского кладбища. 22–24 февраля 2005 года. Москва — Боровск. М., 2005. Т II. С. 43.
- ² Шахов М. О. Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и социальная позиция. М., 2002. С. 106.
- ³ Там же.
- ⁴ Настольная книга священнослужителя. Т. 4. М., 1983. С. 9.
- ⁵ Пособие по изучению церковного пения и чтения. Изд. 2-е, доп. и перераб. Составитель Е. Григорьев. Рига, 2001. С. 104.
- ⁶ Там же. С. 154.
- ⁷ Сенатов В. Г. Философия истории старообрядчества. М., 1995. С. 28.
- ⁸ Там же. С. 31–32.

- ⁹ *Рябушинский В. П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство. М., 2010. С. 125.
- ¹⁰ *Вздорнов Г. И.* Исследование Киевской Псалтыри и Киевская Псалтырь. М., 1978. С. 34.
- ¹¹ *Белобородов С. А.* Старообрядческая рукописная книга // <http://heritage.eunnet.net/oldbelief/>
- ¹² Там же.
- ¹³ «Согласие, соглас — термин не строго определенного значения, подразумевающий крупное разделение старообрядчества по вероучительным признакам на беглопоповцев, поповцев, приемлющих белокриницкую иерархию, беспоповцев: поморцев, федосеевцев, филипповцев, нетовцев и т. п. Это наименование, хотя и принято всеми старообрядческими обществами, так как носит нейтральную, неоскорбительную окраску, тем не менее не соответствует статусу Церкви Христовой, каковой члены любой из деноминаций себя признают, поэтому каждое согласие имеет еще и самоназвание для официального, торжественного употребления. Более дробное разделение согласий зачастую называется толками; иногда эти слова воспринимаются как синонимы, а иногда согласиями называют мелкие подразделения внутри толков» (*Вургафт С. Г., Ушаков И. А.* Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 264).
- ¹⁴ *Белобородов С. А.* Старообрядческая рукописная книга // <http://heritage.eunnet.net/oldbelief/>

- 15 Там же.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 *Байдин В. И.* Традиции и быт старообрядцев // <http://heritage.eunnet.net/oldbelief/>
- 19 *Починская И. В.* Старообрядческое книгопечатание // <http://heritage.eunnet.net/oldbelief/>
- 20 *Серебрякова Е. И., Юхименко Е. М.* Литературная и книгописная школы // *Неизвестная Россия...* С. 15.
- 21 *Бубнов Н. Ю.* Русское старообрядчество в миниатюрах лицевых рукописей Библиотеки РАН // *Староверие Латвии.* Рига, 2005. С. 100.
- 22 *Асафьев Б. В.* Избранные труды. Т. 4. М., 1955.
- 23 Попевкой называется мелодико-ритмический оборот, устойчиво повторяющийся в различных песнопениях знаменного распева. Попевка всегда записывается с помощью определенного сочетания знамен. В каждом из восьми гласов имеется характерный набор попевок, отличающий данный глас от других.
- 24 *Кутузов Б. П.* Знаменный распев — поющее богословие. Сборник статей. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 2009. С. 11.
- 25 *Григорьев Е. А.* Пособие по изучению церковного пения и чтения. Изд. 2-е, доп. и перераб. Рига, 2001. С. 19.
- 26 Цит. по: *Сисаури В. И.* Церемониальная музыка Китая и Японии. СПб., 2008. С. 14.
- 27 Луньей, XIII, 3.
- 28 Древлехранилище ИРЛИ, Мезенское собрание № 24. Л. 10—10 об.

- ²⁹ *Владышевская Т. Ф.* Древнерусская певческая культура и старообрядчество // www.portal-slovo.ru/
- ³⁰ *Смоленский С. В.* О древнерусских певческих нотациях // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1901. С. 41.
- ³¹ *Казанцева М. Г.* Музыкальная культура старообрядцев // <http://virlib.eunnet.net/oldbelief/>
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Григорьев Е. А.* Указ. соч. С. 9.
- ³⁵ *Казанцева М. Г.* Музыкальная культура старообрядцев // <http://virlib.eunnet.net/oldbelief/>
- ³⁶ *Кириллов И. А.* Указ. соч. С. 184.
- ³⁷ *Гакстхаузен А.* Указ. соч. С. 234–235.
- ³⁸ *Поздеева И. В.* Личность и община в истории русского старообрядчества // Мир старообрядчества. История и современность. Вып. 5. М., 1999. С. 7.
- ³⁹ *Шамарин В. В.* Начетничество в Древлеправославной Поморской Церкви // Традиции духовного образования в старообрядчестве... С. 23.
- ⁴⁰ *Дынникова И. В.* Морозовский хор в контексте старообрядческой культуры начала XX века. М., 2009. С. 24.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александр Б. (Бровкович А., Никанор).* Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. Ч. I: Сочинения исторические. СПб., 1861.
- Андреев В. В.* Раскол и его значение в народной русской истории: Исторический очерк. СПб., 1870.
- Барановский В., Поташенко Г.* Староверие Балтии и Польши: Краткий исторический и биографический словарь. Вильнюс, 2005.
- Барсков Я. Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.
- Барсов Е. В.* Новые материалы для истории старообрядчества XVII–XVIII вв. М., 1890.
- Барсов Е. В.* Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. СПб., 1874.
- Бахтина О. Н.* Старообрядческая литература и традиции христианского понимания слова. Томск, 1999.
- Бороздин А. К.* Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. 2-е изд. доп. и испр. СПб., 1900.
- Бубнов Н. Ю.* Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. СПб., 1995.

- Бычков В. В. Русская средневековая эстетика XI–XVII вв. М., 1992.
- Вознесенский А. В., Мангилев П. И., Починская И. В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701–1918). Материалы к словарю. Екатеринбург, 1996.
- Воскресенская Т. А. Новгородские старообрядцы-беспоповцы во второй половине XIX – начале XX века: Мировоззрение. Быт. Культура. Великий Новгород, 2008.
- Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.
- Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России: Сборник научных статей и материалов. СПб., 2003.
- Горбацкий А. А. Старообрядчество на белорусских землях: Монография. Брест, 2004.
- Гурьянова Н. С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века. Новосибирск, 1996.
- Гурьянова Н. С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007.
- Денисов С. Виноград Российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем (князем Мышецким). М., 2003.
- Денисов С. История об отцах и страдальцах соловецких. Лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина. М., 2002.
- Дронова Т. И. Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы: Конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла (конец XIX – XX вв.). Сыктывкар, 2002.

Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.). Томск, 2007.

Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1999.

Дынникова И. В. Морозовский хор в контексте старообрядческой культуры начала XX века. М., 2009.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960.

Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск, 2012.

Заволоко И. Н. История Церкви Христовой. Рига, 1991.

Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. В 2 т. М., 2006.

История Русской Православной Церкви. От восстановления патриаршества до наших дней. Том I: годы 1917–1970. СПб., 1997.

Казанцева М. Г., Коняхина Е. В. Музыкальная культура старообрядчества: Учеб. пособие. Екатеринбург, 1999.

Каменева Е. А. Петербургские старообрядцы в XVIII — первой половине XIX века. СПб., 2013.

Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов: Время патриарха Иосифа. М., 2003.

Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. В 2 т. М., 1996.

- Карташев А. В.* Смысл старообрядчества // Сборник в честь П. Б. Струве. Прага, 1925.
- Кириллов И. А.* Правда старой веры. Барнаул, 2008.
- Кириллов И. А.* Третий Рим. Очерк исторического развития идеи русского мессианизма. М., 1913.
- Ключевский В. О.* Западное влияние и церковный раскол в России XVII века // *Ключевский В. О.* Очерки и речи. Сб. 2. Пг., 1918.
- Кожурин К. Я.* Боярыня Морозова. М., 2012.
- Кожурин К. Я.* Духовные учителя сокровенной Руси. СПб., 2007.
- Кожурин К. Я.* Культура русского старообрядчества (XVII–XX вв.). Ч. I и II. СПб., 2007–2010.
- Кожурин К. Я.* Повседневная жизнь старообрядцев. 2-е изд. М., 2017.
- Кожурин К. Я.* Протопоп Аввакум: Жизнь за веру. М., 2011.
- Кожурин К. Я.* Староверие в Петербурге. СПб., 2006.
- Костров А. В.* Старообрядчество и старообрядческая историческая мысль во второй половине XIX – начале XX вв. Иркутск, 2006.
- Культура староверов Выга (к 300-летию основания Выговского старообрядческого общежития): Каталог. Петрозаводск, 1994.
- Культура староверов стран Балтии и Польши: исследования и альбом. Вильнюс, 2010.
- Кутузов Б. П.* Церковная «реформа» XVII века как идеологическая диверсия и национальная катастрофа. М., 2003.

Кутузов Б. П. Знаменный распев — поющее богословие. Сборник статей. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 2009.

Любомиров П. Г. Выговское общежитие. М.; Саратов, 1924.

Любопытный П. (Светозаров П. Л.) Исторический словарь 86 праотцев // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1863.

Макаров В. Е. Очерк истории старообрядчества от Никона до наших дней. М., 1911.

Мальцев А. И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII — начале XIX в.: проблема взаимоотношений. Новосибирск, 2006.

Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Н. Субботина. Т. 1–9. М., 1874–1895.

Мельников Ф. Е. История Русской Церкви (со времен царствования Алексея Михайловича до разгрома Соловецкого монастыря). Барнаул, 2006.

Мельников Ф. Е. Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999.

Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: В 3-х т. М., 1993–1994. Т. 2. Ч. 1. Церковь, религия, литература. М., 1994.

Мир старообрядчества. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований. Материалы международной научной конференции. М., 1998. Вып. 4.

Мир старообрядчества. Личность. Книга. Традиция / Под ред. И. В. Поздеевой, Е. Б. Смилян-ской. М.; СПб., 1992. Вып. 1.

- Мир старообрядчества: История и современность / Отв. ред. И. В. Поздеева. М., 1999. Вып. 5.
- Мировоззрение и культура севернорусского населения. М., 2006.
- Морозова Н. А.* Книжность староверов Эстонии. Тарту, 2009.
- Неизвестная Россия: К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни: Каталог выставки. М., 1994.
- Никонов В. В.* Староверие Латгалии: Очерки по истории староверческих обществ Режицкого и Люцинского уездов (2-я половина XVII — первая половина XX вв.). Резекне, 2008.
- Новгородское староверие: История, культура, традиции в прошлом и настоящем. Сборник статей. М., 2009.
- Образы и символы старой веры / Альманах. Вып. 217. СПб., 2008.
- Окладников Н. А.* Поборники древнего благочестия: [исторические очерки]. Архангельск, 2012.
- Островский Д.* Выговская пустынь и ее значение в истории старообрядческого раскола. Петрозаводск, 1914.
- Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000.
- Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
- Писания выговцев: Сочинения поморских старообрядцев в Древлехранилище Пушкинского Дома. Каталог-инципитарий. СПб., 2004.
- Пичугин Л. Ф.* Старая вера. Апологетическое исследование. Изд. 3-е. М., 2004.

Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. Изд. 2-е, доп. М., 1988.

Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002.

Половинкин П. В., Кожевникова М. В. Старообрядчество Самарского края. История и культура. Самара, 2007.

Полозова И. В. Церковно-певческая культура саратовских старообрядцев: формы бытования в исторической перспективе. Исследование. Саратов, 2009.

Поморские ответы. М., 2004.

Пономарева Г., Шор Т. Староверы Эстонии: Краткий исторический справочник. Тарту, 2006.

Попов Н. И. Сборник материалов для истории старообрядчества. М., 1866.

Поташенко Г. Староверие в Литве. Вильнюс, 2006.

Прозоров И. А. История старообрядчества. М., 2002.

Прокуратова Е. В. Традиционная культура старообрядчества. Учеб. пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 2004.

Пустозерская проза: Сборник. М., 1989.

Пыжиков А. В. Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. М., 2013.

Русские старообрядцы в Польше. Сувалки, 2007.

Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. статей к XIV Междунар. съезду славистов. М., 2008.

- Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство. Русский хозяин. Статьи об иконе. М.; Иерусалим, 1994.
- Сенатов В. Г. Философия истории старообрядчества. М., 1995.
- Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1–4. СПб., 1992–2004.
- Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898.
- Смирнов П. С. История русского раскола старообрядчества. СПб., 1895.
- Соболева Л. С. Рукописная литература Урала: исследование традиций и обретение самобытности. Очерк первый. Рукописный облик устного слова. Екатеринбург, 2005.
- Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. I. М., 2004.
- Соловьев В. С. О русском народном расколе // Сочинения. Т. 1. М., 1994.
- Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). М., 1994.
- Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сборник научных трудов. М., 1999.
- Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сборник научных трудов. Вып. 3. М., 2004.
- Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сборник научных трудов. Вып. 4. М., 2010.
- Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сборник научных трудов. Вып. 5. М., 2013.
- Старообрядчество в Тюменском крае в XVII – XXI вв.: Послания, документы, публикации,

- воспоминания, исследования современных историков. Вып. 3. Тюмень, 2009.
- Старообрядчество: история и культура: библиогр. указ.: книги и статьи на русском и иностранном языках (1900–2009). М., 2011.
- Старообрядчество: История, культура, современность. Материалы VII Международной научно-практической конференции «Старообрядчество: История, культура, современность», посвященной 100-летию издания указа «Об укреплении начал веротерпимости» и 100-летию распечатания алтарей храмов Рогожского кладбища. 22–24 февраля 2005 года. М.; Боровск, 2005.
- Старообрядчество Русского Севера: Тезисы докладов и сообщений Каргопольской научной конференции. Каргополь, 1998.
- Судьба старообрядчества в XX — начале XXI вв.: история и современность. Сборник научных трудов и материалов. Вып. 1–6. Киев, 2007–2013.
- Таранец С. В.* Старообрядчество в Российской империи (конец XVII — начало XX века). Т. 1–2. Киев, 2012–2013.
- Традиции духовного образования в старообрядчестве: История, современность, перспективы. Сборник материалов. Ржев, 2003.
- Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: Сборник научных трудов. Новосибирск, 1992.
- Традиционная книга и культура позднего русского средневековья: Труды Всероссийской

- научной конференции к 40-летию полевых археографических исследований Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, 27–28 октября 2006 г.). В 2 ч. Ярославль, 2008.
- Тулупов Т. С. О разделении Русской Церкви: Poleмический очерк. СПб., 2012.
- Урушев Д. А. Возьми крест свой (история старообрядчества в событиях и лицах). Барнаул, 2009.
- Фишман О. М. Жизнь по вере: Тихвинские карелы-старообрядцы. М., 2003.
- Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
- Хирьянова Л. В. Духовная история и культура старообрядчества (на примере Белгородского края): Монография. М., 2013.
- Хренов Н. А., Соколов К. Б. Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2000.
- Христианство и Север. По материалам VI Каргопольской научной конференции. М., 2002.
- Хронограф Литовский, сиречь Летописец степенный древлеправославного христианства / Подг. Н. Морозовой и Г. Потащенко. Вильнюс, 2011.
- Чернышов А. В. Старообрядчество и старообрядцы Западной Сибири (XVII–XXI вв.): Аннотированные библиография, источниковедческий обзор, документы. Тюмень, 2006.
- Шахов М. О. Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и социальная позиция. М., 2002.

Шахов М. О. Философские аспекты староверия. М., 1998.

Щапов А. П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII века: Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. Казань, 1859.

Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. В 2 т. М., 2002.

Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. В 2 т. М., 2008.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Богослужение как основа миросозерцания и культурной деятельности старообрядцев	5
Глава 2. Старообрядческая книжность . .	18
Богослужебные книги и круг чтения старообрядцев	24
Старообрядческая литература	44
Глава 3. Традиции книгописания и книгопечатания в старообрядчестве . . .	87
Глава 4. Книжная миниатюра и лубок . . .	115
Глава 5. Певческая культура старообрядцев	125
Глава 6. Традиции духовного образования в старообрядчестве	156
Примечания	172
Библиография	176

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Серия «Parvus libellus»

Кожурин Кирилл Яковлевич

МИРОСОЗЕРЦАНИЕ И КУЛЬТУРА
РУССКОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА
XVII–XX вв.

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *Л. А. Галаганова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Подготовка издания *В. Ю. Трофимов*

Подписано к использованию 15.06.25
Формат 10,0×18,0 см
Гарнитура PT Sans

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: (812) 602-08-24
Сайт: <https://eurasiabooks.com/>
Эл. почта: eurasiaeditors@gmail.com

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: <https://www.intermediator.ru>
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

Сейчас старообрядчество представляется чем-то заведомо отсталым, принадлежащим давно ушедшей эпохе. Страшные лесные «гари» — добровольные сожжения десятков и сотен людей; неграмотные старухи, продолжающие непонятно зачем креститься двумя перстами и запирающие свои колодцы на замок; фанатики, отгородившиеся от мира...

Но это представление, сложившееся под влиянием официальной пропаганды, далеко от истины. Мало кто знает, что лишь благодаря старообрядцам удалось сохранить такие чудеса отечественной культуры, как древнерусская книжность, иконопись и знаменное пение, многие традиционные народные промыслы; что самыми выдающимися русскими предпринимателями XIX — начала XX века были как раз выходцы из старообрядцев — знаменитые династии Морозовых и Рябушинских, Гучковых и Солдатенковых.

Бесценный духовный опыт, который старове-ры вынесли из своего «ухода», должен стать достоянием всего человечества — возможно, это последний шанс не только для находящейся в глубоком духовном кризисе России, но и для агонизирующего Запада, основательно забывшего о своем христианском происхождении.